Современный любовный роман

Третий не лишний

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Ольга Рузанова

Ольга Сергеевна Рузанова

Третий не лишний

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69892717
SelfPub; 2023

Аннотация

Начало походило на игру. Будоражащую, волнующую кровь. Мне нравилось, как он смотрит, когда мой парень обнимает и целует меня. Я упивалась его неравнодушием в эти моменты и лишь, когда он вошел в нашу спальню, поняла, что заигралась.Едва за Тёмой закрывается дверь, натягиваю одеяло до подбородка и безуспешно пытаюсь сделать вдох. Кислород выжигает в груди все живое.– Не ожидал от тебя, – звучит справа тихий низкий голос.Заставляю себя повернуть голову в ту сторону и упираюсь взглядом в плоский живот. Натянув джинсы, Филипп застегивает ширинку.– Я от тебя тоже, – выдавливаю первое, что приходит в голову.Что бы я сейчас не сказала, не изменит того, что больше я для него не существую.

Содержание

Глава 1. 4
Глава 2. 11
Глава 3. 17
Глава 4. 24
Глава 5. 30
Глава 6. 36
Глава 7. 43
Глава 9. 56
Глава 10. 62
Глава 11. 69
Глава 12. 76
Глава 14. 89
Глава 15. 95
Глава 16. 101
Конец ознакомительного фрагмента. 108

Ольга Рузанова
Третий не лишний

Глава 1.

Бокалы, столкнувшись, едва не выплескивают пиво друг на друга. Катастрофы удается избежать в последний момент.

– Забирай, – бросаю небрежно через плечо.

– Не в духе? – интересуется Данил, поднимая поднос с двумя высокими бокалами, до краев наполненными пенным напитком.

– Еще одни косяк, и Ромео вылетит отсюда без расчета. Так ему и передай.

Полоснув по моему лицу ехидным взглядом, Даня разворачивается и исчезает в глубине полупустого зала.

Да, я зла! На Ромео, что нажрался вчера как свинья, и не вышел в свою смену, на Даню, что в последнее время позволяет себе много лишнего.

И на себя! Твою, мать, как я ненавижу себя за то, что сейчас чувствую!

Протирая салфеткой глянцевую столешницу барной стойки, не сдерживаюсь и скашиваю взгляд в левый угол зала. Туда, где за столом сидят мой парень и его друзья.

Сегодня среди них человек, которого я не видела два ме-

сяца.

Филипп Эйне. Его фишка – исчезать и так же внезапно появляться. Именно из-за своей нездоровой реакции на этого парня я на себя люто злюсь.

Нет в нем ничего особенного. Обычный парень с короткой стрижкой и небольшим шрамом на лице. Не красавец. Мало говорит – больше слушает. Никогда не улыбается, а если смотрит, то будто сквозь тебя.

Его не было несколько месяцев, но как только он вошел в наш бар, мне стало в нем тесно.

Сегодня не моя смена! Я планировала спокойный вечер в одиночестве. В компании пледа, гетров и аниме. Но вместо этого я тру стекло и задыхаюсь от присутствия одного единственного человека.

– Крис!.. – окликает меня голос Артема.

Поворачиваю голову и вижу, как, задрав руку, он показывает мне два пальца.

Киваю и, скользнув взглядом по всей компании, на миллисекунду задерживаюсь им на лице Эйне. В центр груди приходится тупой удар, потому что он тоже смотрит. Ни одной эмоции, слепые глаза, и вообще не понятно, узнал он меня или нет.

Встаю к ним спиной, снимаю с полки два бокала и ставлю их на стойку. Лицо горит, и вдоль ключиц больно тянет.

Какого черта он вернулся?!

Наливаю пиво и прошу Даню, чтобы унес. Потом немно-

го отпускает, потому что к восьми вечера бар традиционно забивается под завязку.

Барную стойку атакуют жаждущие набраться, и мне даже при желании не увидеть углового столика.

– Двойная Маргарита, – просит Майя, сгоняя с барного стула щуплого бедолагу.

Пока я смешиваю ингредиенты, она делится подробностями вчерашнего свидания, ни капли не заботясь, что кроме меня, ее слушают еще как минимум шесть человек.

Майя наш постоянный клиент. На бабки, что она здесь пропивает, мы как минимум отбиваем коммуналку. Яркая блондинка тридцати с чем-то лет, перманентно голодная до секса.

Вчера уже перед самым закрытием она подцепила пьяного женатого мужика, который, как транслирует сейчас Майя, так и не смог ее осчастливить, потому что нехрен пиво с кониной мешать.

Я, не переставая, делаю коктейли и наливаю пиво. Изредка бросая на нее взгляды и кивая, даю понять, что жадно ловлю каждое слово. Мне не сложно, а Майя получает иллюзию, что кому-то интересны приключения ее пилотки.

К полуночи посетители начинают расходиться. Барная стойка перестает походить на облепленную мухами сахарную палочку, и я, наконец, могу позволить себе присесть.

Однако стоит мне выдохнуть, как приглушенное занятостью волнение вновь дает о себе знать. Мой Артем все еще

развлекает своих друзей за угловым столом, и, кажется, их стало только больше.

Филипп тоже здесь. Развалившись на диване, со скучающим видом смотрит на ржущих парней. Мутный тип. Когда я вижу подобное, невольно задаюсь вопросом – эти шутки слишком тупые для него, или он слишком тупой для этих шуток?

Второй вариант для меня более желателен, потому что я жажду его прокола. Любого. Хоть что-то, чтобы образ его в моей голове пошел трещинами и сломался. Но пока, к сожалению, безрезультатно.

Навожу порядок за барной стойкой, собираю и отправляю стекло на мойку, попутно накидываю список на закуп и кошусь в левый угол, ожидая момента, когда господа соизволят очистить помещение.

Но нет. Курят кальян, о чем-то тихо переговариваясь. И все бы ничего, если бы не остановившийся на моем лице цепкий взгляд одного из парней.

Не обыденный случайный взгляд, нет! Взгляд человека, узнавшего обо мне что-то очень личное. Полный азарта и предвкушения.

Разрываю зрительный контакт и утыкаюсь глазами в ровный ряд кранов, стилизованных под пивные бочки. Скользнувший по коже сквозняк промораживает до костей, и в затылок по ощущениям вонзается дротик.

Срань Господня. Только не это!.. Тёма снова перебрал и

показывает друзьям мои фото?

Подозреваю, что такое уже случалось, хотя я не ловила его за руку. Догадалась по сальным взглядам и грязным намекам его друзей. Артем умело отпирался, и я ему почти поверила.

Мысленно листаю галерею его фото и задыхаюсь от ужаса. А когда представляю, как их будет разглядывать Эйне, и вовсе цепенею.

Медленно оборачиваюсь и напарываюсь на его взгляд. В его руках телефон Артема – я узнаю его по красному чехлу. На лице пусто, а в глазах непроглядная темень, от которой я получаю ожог.

Натужный вдох, резкий разворот тела, и я наощупь выбираюсь из-за барной стойки и, метнувшись в сторону, прячусь в темном коридоре.

Сердце, бахая в груди, гоняет кровь тяжелыми толчками, в висках стучит пульс. Кожа лица горит.

Я его убью. Клянусь, задушу собственными руками! Я нахрен сегодня же разобью его камеру. Извращенец долбанный!

Прижимаюсь плечом к зеленой деревянной двери и, нажав на ручку, вваливаюсь в кабинет. Наливаю из кулера стакан воды и выпиваю залпом.

Мне плевать на его дружков, честно, но… Эйне!..

Закрыв руками лицо, мысленно стону.

Слышу, как открывшаяся дверь пропускает внутрь Артема. Узнаю его мгновенно по сладковатому запаху кальяна и

свежему аромату туалетной воды.

– Крис, детка, ты чего? – язык немного заплетается, но на ногах стоит твердо.

– Что ты им показал? – спрашиваю, прижавшись затылком к стене.

– Ничего, – делает шаг вперед и прижимается ко мне всем телом.

Знакомый приемчик. Отвлечь сексом от собственных косяков.

– Что. Ты. Им. Показал. – чеканю, сглатывая вязкую слюну.

– Кри-и-ис… – скользит губами по щеке к уху, поддевает языком мочку, – Кристинка, ты опять накручиваешь…

– Я видела, как они смотрели.

– Я показывал фотки с катера, на котором мы с тобой катались.

Перед мысленным взором проносятся те снимки. Ничего непристойного. Я на них в раздельном голубом купальнике на корме и за штурвалом.

– Что еще?

– Ничего, – выдыхает влажно, – детка, ты же знаешь, те фото только для меня.

Немного отпрянув, подцепляет мой подбородок костяшкой пальца и с улыбкой смотрит в глаза. Он превосходный лжец, если захочет обмануть – комар носа не подточит.

– Удали их.

– Без проблем, – соглашается легко и, тут же достав телефон, вычищает галерею под моим пристальным контролем.

– Все? – поднимает ладони вверх, – инцидент исчерпан?

– Еще раз снимешь меня спящей, я разобью твою камеру, – тычу указательным пальцем в его грудь.

– Воу – воу, полегче, – смеется, поддевая меня под ягодицы и вынуждая обвить ногами его пояс.

Обнимаю руками шею и цапаю нижнюю губу зубами. Тёма со стоном врезается в меня бедрами.

– Почему они так смотрели на меня? – шиплю, встречая второй толчок.

– Потому что у них всех на тебя встал, – шепчет он, – Крис… бл*дь… меня это так возбуждает!

Глава 2.

Артем Бурковский мой сводный брат. Наши родители, мой отец и его мать, поженились ровно за полгода до гибели папы в автомобильной аварии. После его смерти наша семейная кофейня уплыла в руки безутешной вдовы и уже через три месяца стала называться баром «Старый лес».

Мой отец не был успешным дельцом. Пока была жива и здорова мама, здесь был тихий уютный семейный ресторан. В топ десять самых дорогих ресторанов Москвы он не входил, но постоянных клиентов у нас было больше, чем достаточно. Потом мама заболела и умерла, когда я заканчивала школу.

Дела ресторана пошли хуже, и примерно через год отец значительно сократил зал и сделал из него небольшую кофейню. Содержать ее было гораздо проще, и она, если не процветала, то уверенно держалась на плаву.

Здесь-то папа и познакомился с Кристиной Дмитриевной Бурковской, что захаживала выпить чашечку кофе и поболтать с отцом обо всем на свете.

Через несколько месяцев они поженились и съехались в нашей квартире. Отец витал в облаках от счастья. Сдувал пылинки с Бурковской и даже в наших одинаковых именах видел перст судьбы.

Сыну Кристины Дмитриевны, Артему, меня представили

на их свадьбе. Он пришел с подружкой, а ушел со мной. Вызвался проводить до дома, и повел гулять по городу. Я вернулась утром уставшая и влюбленная по уши.

Артем как змей – искуситель. Умеет очаровать и приворожить. Знает, что сказать, как посмотреть и дотронуться, чтобы мгновенно расположить к себе человека. Даже такую, как я. Замкнутую и нелюдимую от природы.

Мы стали встречаться. Папа, с одобрения Кристины Дмитриевны, с радостью благословил наши отношения, снова узрев в них перст судьбы. Хотя я и сама тогда в него поверила, потому что впервые в жизни мне так сильно понравился парень.

Он был потрясающ. Высокий, с красивым подвижным лицом и копной волнистых волос. А как он говорил! Заслушаешься! Я за всю свою жизнь не произнесла столько слов, сколько он мне наговорил за первые три свидания.

Я ходила шальная и пьяная от счастья. Он так целовался, он так умело трогал меня, что четвертое свидание закончилось в его квартире на смятых простынях.

Тёма был нежным и чутким, и я окончательно пропала. Собрав вещи, переехала в его квартиру и по выходным стала подрабатывать барменом в клубе, которым Артем владел на пару со своим другом.

Это была моя инициатива, мне было искренне интересно то, чем занимается мой парень.

А потом авария. Трехдневная кома и смерть папы. Не счи-

тая Артема и мачехи, у меня остались только дальние родственники в Забайкалье, которые даже не приехали на похороны.

Это были ужасные дни, я забросила учебу, и кофейня закрылась. А после сороковин Кристина Дмитриевна и Артем сообщили мне, она уже никогда не откроется, а помещение переделается под модный бар.

Мы с Тёмой не ругались, потому что я в принципе не умею истерить и скандалить, но… я закрылась. Молчала, держа свое мнение при себе и наблюдала, как исчезает последнее, что осталось после родителей.

Идею заведения, название и даже интерьер Тёма слизал с известного бара в Праге. Получилось круто, правда. Артем выдернул свою долю из клуба и всеми деньгами влился бар «Старый лес». Ушло все, и даже пришлось занимать у его матери на рекламную кампанию.

Его открытие показали по местным каналам и осветили в прессе. Среди приглашенных были известные блогеры, актеры, певцы и парочка светских львиц. Наш бар произвел фурор и отбил затраты всего за полгода.

Я продолжаю работать барменом и выполняю обязанности администратора бара. Тёма здесь официально хозяин, хотя, следует признать, фактом этим не манипулирует.

Живем мы здесь же, в помещении на втором этаже, которое со временем оборудовали себе под небольшую квартиру из двух комнат, и пока, за исключением небольших косяков

Бурковского, меня все устраивает.

***

Почувствовав несильный тычок в спину, разлепляю глаза и переворачиваюсь на спину.

– Сколько времени? – хриплю спросонья.

– Полдвенадцатого, – , хмыкает Тёма, с разбега прыгая в кровать, – вот ты дрыхнуть!

Это да! Я типичная сова, а Темка какой-то гибрид – вечером сова, а утром жаворонок. Ему хватает четырех часов в сутки, чтобы выспаться и чувствовать себя бодрым.

– Мне в универ съездить надо, – бормочу с улыбкой, чувствуя, как его шустрые руки быстро пробираются под одеяло.

– Представь, что я тебя не разбудил, и ты проспала.

Я люблю утренний секс, и гад этим умело пользуется. С головой ныряет под одеяло и, растолкав мои ноги, припадает ртом к скрытой трусами промежности.

Низ живота схватывает тугим спазмом. Я раскидываю бедра и хватаюсь руками за изголовье кровати. Тёма знает меня наизусть, выучил, когда сам знакомил меня с миром секса.

Нашел единственный, но очень действенный способ заставить меня испытывать оргазм.

Давление кончика языка на ластовицу трусов, медленные поглаживания и нежный прикус плоти через ткань.

– Тё-о-ом…

Сгибаю ноги в коленях и толкаюсь ему навстречу. Слышу

из-под одеяла голодное рычание и чувствую, как промокшее белье сдвигается в сторону.

Я ненавижу издавать звуки во время секса, поэтому жмурюсь и впиваюсь зубами в собственную ладонь. Волшебный язык Тёмы разгоняет по телу жаркие волны. Мешая мои соки со своей слюной, влажно вылизывает мою киску и плавно толкается внутрь пальцами.

Я выгибаю спину и, скользнув одной рукой под одеяло, запускаю пальцы в его волосы. Он обожает, когда я так делаю и понимает это как знак, что я на грани. Ускоряет движения языка и добавляет еще один палец.

Пучок оголенных нервов, над которым он так усердно трудится, доводит горячий ком в низу живота до кипения и взрывает его ошеломляющим наслаждением.

Я дергаюсь и стискиваю бедрами его голову. А Артем, вонзившись пальцами в мои бедра, выпивает мой оргазм до последней капли. Только после того, как мое опустошенное тело обмякает, он поднимается на колени, эффектно стягивает футболку, расстегивает ширинку и приспускает джинсы, освобождая налитый кровью член.

Наблюдаю с улыбкой. Смотрю, как, плотоядно облизываясь, он водит по нему рукой. Двигается ближе и шлепает им по генерирующему последние сладкие импульсы клитору.

Удар… второй… и после третьего врезается в меня до упора. Двигается, думая только о себе. Я поощряю – подмахиваю тазом и впиваюсь губами в шею, когда он накрывает

меня сверху.

Кончает с рыком и матами. Громко, как он любит. Содрогается всем телом и на некоторое время отключается.

– Слезай с меня, – шепчу тихо, – мне в универ надо.

– Ммм… щас, Крис, размотало жестко…

Даю минуту. Обвив его ногами, слушаю, как постепенно успокаивается сердце.

– Ромео звонил… – сообщает, наконец, перекатываясь на спину, – сегодня выходит.

– Тём, он достал уже…

– Знаю. Вычти из зарплаты… Фил вернулся, видела?

Столь резкий переход на не совсем приятную мне тему выбивает из зоны комфорта и моментально портит настроение.

– А он куда-то уезжал?..

Глава 3.

Ненавижу такси. Метро, маршрутки или троллейбусы – что угодно, только не такси. Не выношу нахождения с незнакомым человеком в замкнутом пространстве.

Поднимаюсь из метро, перепрыгивая через две ступени. Накидываю капюшон на голову, потому что в ком-то веки погода совпала с прогнозом метеорологов и, минуя жилой квартал, сворачиваю на улицу, где находится наш бар.

Захожу внутрь, у порога смахиваю с куртки капли дождя и беру курс на барную стойку, за которой, как ни в чем, ни бывало, стоит Рома.

– Привет, – закидываю рюкзак на стойку и седлаю высокий стул.

– Привет, Кристинка – мандаринка, – проговаривает скороговоркой, – как жизнь?

– Нормально, только задолбалась работать за всяких пьяных Ромео.

– Соррян, больше не повторится, – отбивает, даже не моргнув глазом.

Охренел в край! Никакой ответственности, на работу приходит, когда есть настроение, хамит и язвит. А все потому, что все здесь личные друзья Темочки.

Достало.

– Конечно, не повторится, ты оштрафован на двадцать

процентов, – сообщаю, копируя его тон, – еще один залет, пойдешь искать другую работу.

– Двадцать? – расставив широко руки, упирается ими в стойку и подается ко мне, – а че не сорок?

– Еще одно слово, Ромео, и будет сорок!

– А Темыч-то знает?

– Его распоряжение, – улыбаюсь мило и вдруг чувствую, как в атмосфере что-то неуловимо меняется.

Ковыряющий мое лицо взгляд Ромы взлетает вверх и устремляется мне за спину.

Мое тело деревенеет, и легкие скукоживаются до состояния пересушенной кураги. От затылка по шее и вниз по спине стекает неприятный озноб.

– Здорово, Фил! – восклицает Рома, выбрасывая правую руку из поля моей видимости.

Ответа не следует, но рукопожатие, очевидно, принимает. Подходит ближе и садится на соседний стул, после чего в фокус моего зрения попадает крепкое плечо и рука, одетые в кожаную куртку. Из-под рукава виднеется браслет спортивных часов. Ладонь жилистая, широкая.

Я не шевелюсь. Неосознанно тяну носом воздух и не чувствую почти ничего. Влажная кожа куртки, запах мыла и совсем немного лосьона для бритья.

Он не курит, да. Не курит и не пьет. По крайней мере, я ни разу этого не видела. И голос… вспоминаю, когда последний раз я его слышала, и вдруг он раздается совсем рядом

от меня.

– Бурковский на месте? – безразличный отстраненный тон, требующий немедленного ответа.

Невольно вздрогнув, поворачиваюсь к нему корпусом.

– Привет.

Коснувшись меня незаинтересованным взглядом, неопределенно двигает головой и снова смотрит на Ромео.

И что это было?.. Абсолютно непонятный жест – не то поздоровался, не то отмахнулся, как от надоедливой мухи.

От унижения на лицо наползает жар.

– Он наверху, позвать?

Эти двое прекрасно знают, что у нас с Артемом давно отношения и что там, наверху, с ним живу я! И при этом ведут себя так, словно я пустое место.

– Я позову, – заявляю ледяным тоном, сползая со стула.

Забираю рюкзак и, обойдя Эйне по дуге, сворачиваю за барную стойку в коридор. Быстро его преодолеваю и по крутой лестнице взлетаю на второй этаж.

На кровати разбросана одежда Тёмы, из ванной доносится звук льющейся воды. Видимо, Филипп поэтому и не смог ему дозвониться.

Снимаю верхнюю одежду, и, пройдя в крохотную кухоньку, включаю чайник. Артем выходит из душа, когда он, вскипев, тихо щелкает тумблером.

– Тебя там спрашивают… внизу…

Я все еще горю от унижения и злости и силой воли держу

в себе свое негодование.

– Кто? – легко шлепает по ягодице, протискиваясь мимо меня в кухню.

– Эйне.

– О, бл*дь! Точно! Мы же договаривались встретиться!..

– У тебя с ним какие-то дела, Тем?

– А?.. – останавливается и награждает меня кристально честным взглядом, – да нет… так, потрындеть…

– Эйне и потрындеть? – переспрашиваю, усмехаясь, – ага… да, охотно верю.

– Да, блин! Ты чего, детка? – отшвыривает полотенце в сторону и, обхватив талию, отрывает меня от пола, – ПМС, что ль?

– Я просто спросила, Тем…

Обнимаю горячую после душа шею и зарываюсь пальцами в мокрые волнистый волосы.

– Он два месяца в Мюнхене чилил у отца… интересно же все разузнать…

– И скоро обратно собирается? – кривлю губы.

– Да х*й его знает, из него же никогда ничего не вытянешь. Ставит перед фактом.

– Он мне не нравится, Тёма.

– Чем?

Набрав побольше воздуха, выдыхаю его через сложенные трубочкой губы. Чем не нравится?.. Тем, что не здоровается и смотрит на меня, как на мушку дрозофилу?..

– Неприятный. На интуитивном уровне.

– Ты его просто плохо знаешь, – чмокает в кончик носа, – нормальный он. Себе на уме, но не гнилой.

– Ладно.

Артем прав, прицепилась неоправданно к человеку, с которым ни разу даже не разговаривала. Он, видимо, не только со мной себя так ведет. По крайней мере, я ни разу не видела, чтобы он кому-то улыбался или хотя бы смотрел приветливо. Наверное, в него эта функция не заложена изначально. Производственный брак.

Целую Тёму в щеку и выбираюсь из влажных объятий.

– Спустишься сегодня? – спрашивает, поднимая полотенце с пола.

– Нет. Я задание взяла, в понедельник надо сдать… Может, просто поваляюсь.

– Отдыхай, я постараюсь сегодня пораньше прийти.

Пока я перекусываю бутербродом, Артем одевается в черные джинсы и черную рубашку. Сушит и укладывает волосы феном и распыляет на шею парфюм.

– Как? – поворачивается ко мне и театрально разводит руками.

– Красавчик! Увижу рядом телок, убью, – говорю с набитым ртом.

– У меня только на тебя стоит, Крис, знаешь же… – показушно обижается и, стрельнув в меня многообещающим взглядом, уходит вниз.

Вообще в нашей квартирке очень хорошая звукоизоляция, Тёма потратил на нее едва ли больше, чем на всю мебель вместе взятую. Но в разгар веселья внизу звуковые волны, ударяясь в пол, идут вибрацией по стенам и оказывают неприятное воздействие на барабанные перепонки.

Артем этого почти не чувствует. Я тоже привыкла не обращать внимания, особенно когда в ушах наушники.

Но сегодня… сегодня мне кажется, я слышу не только музыку, но и голоса посетителей и даже звон пивных бокалов в баре. Захлопнув ноут, на котором смотрела анимешку, падаю спиной на кровать.

В груди что-то тянет, всего одна единственная тонкая струна, но доставляет такой дискомфорт, что хочется сунуть руку меж ребер и расчесать все изнутри.

Какого черта он вернулся?..

В прошлый раз было то же самое. Он появлялся в нашем баре пару дней в неделю и каждый раз выбивал меня из зоны комфорта одним только своим присутствием.

Никогда не говорил со мной и удостаивал лишь беглым незаинтересованным взглядом, а я потом полночи не могла уснуть.

Скорее бы снова уехал!

Прячу лицо в сгибе локтя, но в этот момент короткий вибрирующий сигнал оповещает о входящем на телефон.

«Крис, детка, не хватает тебя. Спустись, пожалуйста»

Ну, нет.

Благоразумия хватает на то, чтобы отключить телефон и залезть под одеяло.

Глава 4.

Забиваю полку джиггерами и проверяю бокалы на прозрачность. В мойке знают, что огребут от меня за малейшее пятнышко.

Сейчас моя принципиальность и щепетильность играют на моей стороне. Придирчиво проверяя барный инвентарь, изображаю крайнюю степень занятости.

Причина – к болтающим с краю барной стойки Артему и его другу Никите пять минут назад присоединился Эйне. В этот раз я даже не стала с ним здороваться. Хватило прошлого.

Тёма попросил для него стакан воды. Я налила и поставила перед Тёмой.

– Держи, – кряхтит появившаяся из коридора Полина и водружает на стойку еще одну партию стекла из мойки.

Повернувшись к парням полубоком, начинаю натирать его салфеткой.

Они говорят негромко, обсуждают какую-то сеть пафосных баров, недавно открывшихся по всей Европе. Тёма показывает видео и фото заведений, Никита восхищенно цокает языком и активно кивает головой.

Фил, по всей видимости, бывал там лично. Коротко отвечает на вопросы Артема и называет какие-то суммы.

Чем он занимается, интересно? Тёма говорил, он эти два

месяца провел в Германии. Что он там делал? Таскался по модным барам?..

Не похож Эйне по прожигателя жизни. И на мажора не похож. Ни модной прически, ни брендовых шмоток, ни дорогих парфюмов. Только дорогой телефон и часы говорят о том, что у парня нет финансовых проблем.

– Крис, – окликает Тёма и выставляет указательный палец горизонтально.

Беру бокал, и, плеснув в него виски на палец, добавляю два кубика льда.

– Спасибо, детка, – подмигивает, когда подаю ему напиток, и тут же отвлекается на звонящий телефон.

Тихо выругавшись, берет его со стойки и, тронув Ника за плечо, встает со стула. Никита уходит за Артемом, а я остаюсь в компании Филиппа.

Чудесно. Обожаю неловкие ситуации.

Не люблю встречаться с ним взглядами, потому что его выражает всегда одно и то же – НИЧЕГО. Мне от этого жутко. И всегда почему-то стыдно.

Пробежавшись глазами по залу, ищу хоть какого-нибудь спасения. Официантов и просто знакомых посетителей. Но, как назло, ни единого шанса на спасение.

Кожа вспыхивает и покрывается сотнями мурашек. Щеку, шею с левой стороны и оголенное предплечье жжет огнем. Воздух становится густым – мое дыхание сбивается.

Если он на меня даже не смотрит, и все это фокусы моего

сознания, я завтра же возьму направление к психиатру.

Быстро облизав сухие губы, оборачиваюсь.

Смотрит. Сложив руки на стойке и чуть подавшись вперед, от чего его плечи кажутся еще шире.

– Еще воды? – спрашиваю дерзко.

– На кого ты учишься?

Я ошеломленно застываю. Столь неожиданный вопрос вгоняет в ступор. Умеет Эйне удивить.

– Химфак.

Микродвижение бровью, очевидно означающее его удивление.

– На очном?

Недоуменно хмыкаю. Меня здесь ежедневно спрашивают о чем угодно: возраст, отношения, вкусы и даже предпочтения в сексе. Я умею отвечать так, что у любопытных раз и навсегда отпадает желание лезть в мое личное.

А с ним язык не поворачивается. И все шутки, типа «решил стать моим спонсором и хочешь оплатить учебу?» или «думаешь позвать меня работать в свою нарколабораторию?» вянут прежде, чем успевают вылететь из моего рта.

– Заочном.

– Почему?

Сдержанно вздыхаю. Зачем он решил прервать обет молчания?

– Потому что учебу на очном сложно совмещать с работой.

Говорить с ним физически тяжело. Лицо и шея нагреваются, и каждое слово – пытка над моими голосовыми связками. Я так и продолжаю стоять к нему полубоком и держать в руках пустой бокал и салфетку.

– И зачем тогда ты работаешь?

Боже… может, он правда тупой? И в этом вся его загадочность?

Развернувшись к нему, со звоном опускаю бокал на столешницу. Намерена ответить, глядя четко ему в глаза, но пасую в последний момент и торможу взглядом на родинке на его подбородке.

Выше не пускает давящая энергетика.

– Ты удивишься, – голос немного глохнет, – но чтобы жить, нужны деньги. А чтобы были деньги, люди работают.

– Темыч не в состоянии тебя содержать?

– Артем тут ни при чем. Я сама… так решила…

К счастью, в этот момент мой парень и его друг возвращаются. От них пахнет табаком и алкоголем. Тёма, сощурив глаза, внимательно смотрит на меня. Я успокаиваю его улыбкой, и он расслабляется.

А я нет.

Низкий негромкий голос Эйне еще звенит в моих ушах и растекается под кожей горячими волнами. Слова неприятно царапают мозг.

Какое ему дело, как я учусь и почему работаю? Я не объяснялась в этом даже Тёме. Поставила перед фактом, что пе-

ревожусь на заочное, и он не стал возражать.

И вообще, откуда Фил знает, что я учусь? Тёма разболтал?..

Убью гада!

– Кристин, водки пятьдесят налей Нику.

Ставлю перед ним рюмку и тарелку с лимоном. Никита закусывает только им.

– Спасибо, Крис, – улыбается он расслабленно, – постоянно завидую Темычу.

Проходили и не раз. Ник клеится ко мне как минимум уже год. Делает это вяло и по настроению, поэтому особо не напрягает.

– В чем проблема завести девушку? – спрашиваю, принимая заказ у Арины, нашей официантки, на три Лонг – Айленда.

– А где я такую, как ты, найду? Чтобы и секси, и наливала по первому требованию? – смеется собственной шутке.

Тёма, закатив глаза, качает головой. Темное пятно слева от него не шевелится, но я отчетливо чувствую исходящую от него энергетику. Она бьет по нервам до легкого головокружения и онемения плеч.

– Такую не найдешь… – бормочу как можно тише, – но в новом баре на Тверской бармен тоже девушка. Обрати внимание.

Никита с Темой взрываются хохотом, потому что барменша с Тверской известна на всю Москву двумя передними зо-

лотыми зубами и татуировкой на пол лица.

Вижу боковым зрением, как Фил берет стакан воды и делает небольшой глоток. То ли не слышал о той барменше, то ли юмор мой не зашел.

– Не-е-е-ет… Кристинка! – мотает головой и двигает в мою сторону пустую рюмку с намеком повторить, – я хочу такую, как ты! А еще лучше – тебя!

– Ладно, Ник, подотри слюни, – толкает его в плечо Артем, – моя девочка, понял! Лучшая!..

– Да, понял – понял!..

Оба уже под градусом. Тёма, замедленно моргая, смотрит на меня масляными глазами, и я уверена, что в штанах у него каменная эрекция. Давно заметила, как возбуждает его мужское внимание ко мне.

В этот момент Эйне, чуть двинув стакан в сторону, слегка склоняет голову набок. Я машинально вскидываю взгляд и тут же увязаю в темной омуте по горло.

Ни вдоха, ни малейшего движения. Ни единого шанса отвести глаза. Держит, тянет, закручивает в воронку и внезапно, отвернувшись, отпускает.

Едва не повалившись на пол, делаю спасительный глоток кислорода. Интуитивно ищу поддержки в Тёминых глазах, но едва не сгораю от бушующего в его взгляде пожара.

Глава 5.

– Крис… бл*дь… какая ты ох*енная!!! Ох*енная девочка…

Мои руки упираются в стену над головой, грудь расплющена о нее же, а таз, напротив, отведен назад.

Пальцы Тёмы во мне. Трахают в бешеном темпе, время от времени замирая, чтобы дать мне передышку. А мне странно и непонятно. Тело откликается, оно разгоряченное, мягкое под его руками, но сконцентрироваться на удовольствии не выходит, потому что перед мысленным взором темень глаз Эйне.

Его чертова энергетика, что я успела хватануть за мгновения нашего короткого зрительного контакта, еще гуляет в крови и дурманит мозг.

– Твою мать! Крис… – елозит горячим членом между моих ягодиц, – моя же?.. Моя?!

– Д-да…

Облизывает языком мочку уха, оттягивая, посасывает ее. Свободной рукой удерживает бедра.

Как я и думала, Тёма сильно возбудился. Едва дождался закрытия бара, притащил меня наверх на плече и распял у стены.

– Прогнись чуток… – шепчет сбито.

Оттопыриваю попу и приподнимаюсь на носочки. Чув-

ствую, как зафиксировав мои бедра, он медленно меня наполняет. Оба замираем, а я еще и зажмуриваюсь, потому что не хочу сейчас Эйне с нами. Вжимаю лицо в собственное предплечье, пытаясь стереть с сетчатки его образ.

Артем начинает двигаться, сначала медленными, похожими на раскачивания толчками, а потом, постепенно ускоряясь, переходит в режим жесткой долбежки.

– Тёма-а-а, – на выдохе.

Откидываю голову назад, ближе к нему, туда, где больше его запаха. Пробую оглянуться, чтобы видеть его, чтобы не сомневаться – нас здесь только двое, и больше никаких призраков.

Приняв мой посыл, Артем чуть замедляется и пихает язык в мой рот. Не целует, а просто метит собой еще одну территорию. Я закидываю руку назад и обнимаю его за шею.

Он сдавленно стонет, судорожно дергается и, резко из меня выйдя, сливает сперму на ягодицы.

– Бл*дь!.. Кристи… пздц… мне мало, еще хочу!..

– Ты долбанный извращенец, Тем!..

Оборачиваюсь, выкидываю руку, чтобы оттолкнуть, но он ее перехватывает и толкает меня в сторону кровати.

Я падаю на спину, пачкая постельное белье, и закрываю лицо руками. Артем, встав на колени, широко разводит мои бедра. Лижет яростно, помогая себе пальцами. Я борюсь с демонами в моей голове.

Иди к черту! Иди к черту, Эйне!..

Но образ его, как в насмешку, становится только ярче. Кажется, открой я глаза, и увидишь его лицо перед собой.

Оргазм накрывает слишком внезапно, с ужасающей мыслью, что там не Артем, а Филипп.

Глухо вскрикиваю и, подтянув колени к груди, перекатываюсь набок. Артем тут же пристраивается сзади и таранит меня по второму кругу.

– Ты больной, – хриплю в подушку, – извращенец…

– Мою девочку все хотят… Кри-и-ис… пздц, как заводит!..

На этот раз он не торопится. Берет меня медленно, с претензией на нежность. Целует плечи, тычется носом в шею.

Кончает в меня, менее бурно, чем в первый раз.

Потом долго лежим в тишине. Тёма, уткнувшись в мои волосы, и кажется, довольно улыбаясь. Я, распластанная на спине, слепо смотрю в потолок.

– Это не нормально, Тем.

– Все нормально…

– Нет, – поворачиваю к нему голову, – у тебя встал из-за бреда, что нес Ник?

Артем лениво открывает глаза. Молча на меня смотрит, и я задыхаюсь. Не из-за Ника.

Боже… Тёма, только не это…

Неужели он заметил мою реакцию на Филиппа?..

– Мне все это не нравится, – заявляю, принимая вертикальное положение.

– Что именно, детка? То, что мне нравится, что только я обладаю девочкой, на которую все пускают слюни?

– Мне не нравится, что ты позволяешь своим друзьям так со мной разговаривать.

– Ты о Нике? – хмурится, сощурив глаза, – тебя это обижает?

– Мне это не нравится, – повторяю упрямо.

Поднявшись на одном локте, Тёма двигается ближе и накрывает меня своим телом. Часто целует в лицо и смотрит виновато.

– Прости, я ему в следующий раз в бубен дам…

– Блин, да не в нем дело, Артем! Он ведет себя так, потому что ты это позволяешь!

– Ну, все – все!.. Тшш… успокойся, Крис. Понял я. Больше не повторится.

Глупо, конечно. Перевели тему на Ника, будто в нем дело. Оба понимаем, что нет.

Тёма прочувствовал мою реакцию на Эйне. Правильно прочувствовал.

Позже, когда Артема вырубает мертвым сном, я набираю горячую ванну и сижу в ней, пока не остывает вода.

Пора посмотреть правде в глаза. Он меня волнует. Не раздражает или бесит, а именно волнует. Как парень, как мужчина, как, мать его, представитель противоположного пола.

Он дьявол. Каждый раз, когда смотрит на меня, каким-то бесовским способом пробирается в самую душу и пытается

воздействовать на мое сознание. Это не нормально. Это паранормально.

У меня стойкой ощущение, что он видит меня насквозь.

Черт. А может он нечисть какая? Вампир, например?.. Таскается из страны в страну, чтобы не вызывать лишних подозрений?

Резанув тишину коротким хриплым смешком, с головой ухожу под воду.

Как в фильме «Константин». Была же там эта сцена?..

Не шевелюсь, терпя давление в легких и на ушные перепонки. Безуспешно пытаюсь очистить сознание. Безуспешно, потому что все равно ментально чувствую на себе его взгляд.

Будто клеймо выжег.

На следующий день не моя смена, но впервые меня это не радует, потому что в нашем баре отмечает день рождения двоюродный брат Тёмы Эдик.

Отвертеться не получится, остается только надеяться, что Эйне нет в списке приглашенных. Уточнять я, конечно, не стала.

– Ох*еть! Новое? – спрашивает Артем, проводя ладонью по переливающейся ткани моего платья.

– Да, давно в шкафу висит. Не было случая надеть.

Улыбаясь, молчит. Знаю, о чем, засранец, думает.

Лишь бы Фила сегодня не было!

Традиционно занимаем угловой стол и вместе с именинником и его девушкой встречаем гостей. Он пригласил че-

ловек двадцать, и когда они все занимают свои места, Эйне среди них не обнаруживается.

Я, отбросив хандру, расслабляюсь. Заказываю себе грейпфрутовый сок и с удовольствием общаюсь с нашими друзьями. С некоторыми из них давно не виделись. Например, с Дашей, что сегодня пришла с Эдиком.

Он ходил сюда с ней в прошлом году, потом была другая девочка, и вот снова она. Любовь, очевидно. Потом, когда будет возможность, она обязательно со мной поделится. Со мной часто делятся секретами.

– Фил! – вонзается в ухо не совсем трезвый голос Артема и накидывает на мою шею удавку, – ты че так долго?

Почувствовав ударившую в мой затылок волну тяжелой энергетики, вытягиваюсь в струну и распрямляю плечи.

– Давай, падай рядом! – командует Тёма на правах хозяина, но получает от меня тычок в бок и осекается.

– Я здесь сяду, – отзывается ровный низкий голос, и через пару мгновений Эйне опускается на диван аккурат напротив нас.

Мазнув взглядом по моим обнаженным плечам, здоровается со всей компанией.

Я мысленно стону.

Глава 6.

Он почти ничего не ест. Пьет только яблочный сок.

Я тоже не пью алкоголь. Не люблю его за то, что он делает с нормальными людьми. За то время, что работаю барменом, насмотрелась до тошноты.

Все остальные за столом заметно веселеют, смех становится громче, юмор – пошлее.

Я на Эйне не смотрю сознательно, не подняла взгляда, даже когда он коротко поздравлял Эдика. Он, кажется, тоже на меня не смотрит, и я даже могу нормально дышать.

Очевидно, в присутствии двух десятков людей его энергетика распределяется на всех и перестает быть такой концентрированной.

Однако, как это часто случается, уже к середине вечера в компании начинается разброд и шатание. Кто-то уходит танцевать, кто-то виснет на барной стойке, другие исчезают за двустворчатыми дверями, чтобы освежиться и покурить на улице.

В какой-то момент нас за столом остается всего четверо. Филипп, друг Эдика Паша, его девушка, имени которой не вспомню, и я.

Паша, шепнув что-то подружке, встает и уходит. Та, забившись в дальний угол, утыкается в телефон.

Мы с Эйне сидим друг напротив друга. Я, уподобляясь

подружке Паши, хватаюсь за телефон, а Филипп, взяв со стола стакан сока, откидывается на спинку кожаного дивана и направляет на меня всю мощь своей энергетики.

И со мной снова это происходит. Кожа воспаляется и начинает гореть, дыхания не хватает. В груди, там, где сходятся ребра, натягивается какая-то струна и тянет, тянет, тянет, смещая сердце туда, где ему жарко и тесно.

Тёма-а-а-а… где ты?..

Трусливо решаю, что через пять секунд встану и уйду, однако, в следующее мгновение я чувствую то, от чего по телу проходит мощный электрический разряд.

Моей лодыжки под столом касается его нога.

Я вздрагиваю и, в панике вскинув взгляд, проваливаюсь в темный омут. Сердце мощным толчком бросает на ребра, воздух застревает в горле.

– Красивое платье, – небрежно указывает стаканом в мою сторону.

Сам он в простом сером свитере с воротом под горло. На запястье все те же часы.

– Спасибо.

– Тоже не пьешь, – кивает на мой бокал.

– Профдеформация.

Делать это сложно, но я отчаянно изображаю невозмутимость. Кладу ногу на ногу и складываю руки на груди, отчего декольте становится еще провокационнее. С запозданием понимаю свой промах, потому что реакция Эйне не застав-

ляет себя ждать.

Замедленно моргнув, он смотрит прямо туда. Я чувствую, как краснею. Сначала лицо, потом шея и грудь. Соски, к счастью скрытые моими руками, скукоживаются до боли. От пупка до паха тонкой струйкой стекает пряный ликер.

Я, кажется, теряю голову.

Наш визуальный секс прерывают вернувшиеся с танцпола девчонки. Шумно занимают свои места, сразу наполняют бокалы. Следом за ними появляются парни, пахнут улицей, алкоголем и табаком.

– Танцевать ходила? – падает рядом Тёма, шутливо бодает головой и прихватывает зубами мочку уха.

Мой взгляд взлетает к лицу Эйне в поисках хотя бы намека на эмоции.

И я их вижу! Это не плод моего больного воображения! Они там есть!..

Сверкнувшая в глазах молния сгущает тьму и, пронзив пространство между нами, прошивает меня насквозь. В кровь прыскает адреналин, ноздри судорожно тянут кислород.

– Нет.

– Хочешь? Я с тобой потанцую.

Надо бы отсюда бежать. Надо. Но меня штормит даже сидя на диване. Двигаться на танцполе под его взглядом я не смогу.

– Я устала, – шепчу тихо в ухо, – можно мне уйти?

– Кри-и-ис… побудь еще немного. Эд у нас в гостях.

– Ладно, – выбираюсь из его объятий и встаю, – проветрюсь.

Обхожу стол и направляюсь к барной стойке, за которой сегодня Ромео. Область между лопаток и поясницу жжет огнем, но, возможно, это игра моего воображения. Я сильно перенервничала, сидя так долго напротив Эйне.

– Текилы Кристинке – апельсинке? – провоцирует Рома, прекрасно зная, что я не пью и терпеть не могу, когда он так меня называет.

– Воды.

Отхожу в сторону и встаю так, чтобы меня не было видно с того места, где сидит Филипп. Нужно остыть и привести в норму жизненно важные функции организма – дыхание и сердцебиение.

Выпиваю воду и решаю проверить кухню. Все работает в штатном режиме, но Валентина, наша посудомойка снова жалуется на то, что не хватает стекла. Приходится закрыться в кабинете, что прямо сейчас оформить заказ у поставщика и отправить его на почту.

В зале появляюсь через час. Наш стол полупустой. На диване спит кто-то из парней. Девушка Паши так и сидит в углу, залипнув в телефоне. Остальных нет.

Просканировав глазами зал, нахожу девчонок на танцполе. Парни, видимо, снова вышли на улицу.

И правда, отлетевшие в стороны обе створки пропускают

внутрь всю компанию. Некоторые из них еле держатся на ногах. Паша и Ник идут, пошатываясь, солидарно поддерживая друг друга. Эдик двигается самостоятельно, но, кажется, на автопилоте. Улыбаясь не понятно кому, сам с собой разговаривает.

Последними заходят Артем и Эйне. Тема сильно перебрал и, размахивая перед невозмутимым лицом Фила, руками, что-то активно ему втолковывает. Тот смотрит на него исподлобья, и меня от дурного предчувствия холодный пот прошибает.

Бросаюсь к ним и хватаю Бурковского за руку.

– Кри-и-ис… детка…

– Тём, пойдем, я тебя наверх уведу.

– Не-е-ет!.. Я не хочу спать.

– Пойдем, пожалуйста!

Тяну его за собой, но сдвинуть с места Артема, когда он этого не хочет, задача не из легких.

– Я помогу, – отзывается вдруг Филипп, – пошли, Темыч.

Тот вдруг резко размякает. Покорно кивает головой и даже не возражает, когда Эйне, придерживая его за плечи, ведет вдоль стены через зал, сворачивает в узкий коридор и останавливается у лестницы на второй этаж.

Я семеню следом, рассматривая Фила сзади.

Он шикарен. В нем нет того, что мне так нравится в Тёме – ухоженности, стильной прически, умения подбирать одежду так, что он смотрится в ней, как Аполлон, обаяния и ком-

муникабельности.

Но ему это все и ненужно. Фил шикарен своей настоящестью и врожденной брутальностью. Он берет своей энергетикой.

Медленно поднимаясь за ними вверх по узкой лестнице, жадно фотографирую глазами все, что вижу.

Простые кроссы, узкие синие джинсы, маячащий перед глазами крепкий зад, от которого перехватывает дыхание, и время от времени виднеющаяся полоска смуглой кожи между ремнем и краем свитера.

Вроде бы ничего, за что может зацепиться взгляд, но все вместе это Филипп Эйне, от которого у меня прямо сейчас подгибаются колени.

– Туда? – показывает головой направо, когда добирается до верхней ступеньки.

Артем отключается на ходу. Непонятливо моргая, яростно мотает головой.

– Да, – отзываюсь я, и, протиснувшись между парнями и перилами, быстро дохожу до нашего жилища и распахиваю дверь, – сюда.

Словив мрачный взгляд Фила, едва не скукоживаюсь от стыда за Тёму. Он редко так перепивает, и потом, обычно, подолгу вообще не пьет. Но в последнее время, я вижу его нетрезвым едва ли не каждый вечер.

– Спасибо, – бормочу, суетливо убирая с кровати одежду Артема и скидывая покрывало.

Филипп сваливает уже спящего Бурковского на постель, и тот тут же по-детски сворачивается клубочком.

Повисает неловкая пауза. Я стягиваю с его ног ботинки и укрываю краем одеяла. Эйне молча стоит за моей спиной.

– Спасибо еще раз, – повторяю, разворачиваясь к нему лицом.

Заложив руки в карманы джинсов, он откровенно меня разглядывает. Голые плечи и руки, вырез платья, ноги. Я, придавленная жаркой тяжестью его энергетики, не дышу и не шевелюсь. Лишь по животу и внутренней стороне бедер идет легкая электрическая вибрация.

– Пойдешь со мной? – проговаривает тихо.

Ослепляющая вспышка. Взгляд за спину. И горечь на корне языка.

– Выйди отсюда.

Глава 7.

Мои родители похоронены на кладбище загородом. Сначала ехать на метро, потом почти час на автобусе. Но я часто их посещаю и делаю это с особым волнением и трепетом.

Приезжаю всегда одна, чтобы побыть с ними наедине. Не терплю, когда Артем незаметно посматривает на часы.

Сегодня день рождения мамы. Говорят, после смерти его не отмечают, потому что у той, загробной жизни, теперь новая точка отсчета. Но для меня они навсегда живые. Я поздравляю их и с днем рождения и с годовщиной свадьбы. Печальные даты тоже провожу здесь, с ними.

Медленно бредя по широкой аллее кладбища, загребаю ботинками отсыревшую и успевшую почернеть листву. Где-то недалеко метет дворник, и мелодично поют птицы.

Дохожу до самого конца и сворачиваю влево. Там, в узком проходе между рядами, останавливаюсь у кованой оградки на две могилы.

– Привет, – здороваюсь тихо и, открыв маленькую дверцу, захожу внутрь.

– С днем рождения, мамуль.

Кладу увесистый букет красных роз на низкую лавочку и руками очищаю надгробье и цветник от сухой травы и жухлых листьев. Мама с портрета приветливо улыбается.

Сегодня ей исполнилось бы 44 года. Такая молодая, такая

красивая!

Веду кончиками пальцев по портрету, повторяя контуры ее лица. Я на нее похожа. Те же глаза и брови, та же улыбка, за исключением того, что она делилась ею с окружающими гораздо чаще, чем я.

Украшаю могилку цветами и перехожу к папиной. Тоже очищаю от листвы и долго смотрю в его изображение на черном памятнике.

Раньше мы приходили сюда вдвоем. Я молча сидела на лавочке, а папа говорил с мамой вслух. Рассказывал о делах в кофейне, делился новостями о моей учебе и из жизни общих знакомых. Про Кристину Дмитриевну никогда не рассказывал, словно маму это могло ранить.

Мне от этого всегда было смешно и обидно. Будто мама и без этого все не понимает.

После гибели папы я стала приходить сюда одна. Общалась с ними мысленно, но с каждым визитом оставалось все меньше тем для разговоров.

Наверное, я их разочаровала. Не оправдала надежд и чаяний. Не отстояла кофейню, не доучилась в вузе, переведясь на заочное едва ли не перед самым дипломом.

Теперь еще и в личной жизни черт ногу сломит. Люблю одного, а во снах вижу другого. О таком не то, что говорить – думать стыдно.

После дня рождения Эдика прошла неделя, и с Эйне я встречалась всего дважды случайно в зале. Он, словно вы-

учил расписание моих смен и специально приходил в те дни, когда я не работала. А я так и не поняла, нравится мне это или нет.

Усевшись на лавочку, вынимаю из рюкзака влажные салфетки и тщательно оттираю руки. Потом, прислонившись спиной в металлической оградке, прикрываю глаза и задираю лицо к небу.

Сегодня солнечно, но совсем не жарко. Ветер непостоянный. То ласковый и теплый, то, будто вспомнив, что скоро зима, резкий и колючий до озноба.

Сижу с мамой и папой, пока не начинает вечереть. Изрядно замерзнув, поднимаю воротник куртки и растираю ладони. На остановку общественного транспорта иду быстрым шагом и стою на ветру еще минут сорок.

Скоро обо мне вспоминает Артем. Экран телефона оживает его счастливой физиономией.

– Ты где потерялась?

– Скоро буду… через час примерно…

– Ромео не вышел снова, – проговаривает с сожалением.

– Уволь его, Тёма!

– Он заболел.

– Что, и справка будет? – язвлю я.

– Ладно, – сдается сразу, – решим, когда приедешь.

Отключаюсь и со злостью пинаю ботинком металлический уголок, на котором держится ржавая урна.

Конечно, он его не уволит! Найдет сотню причин, потому

что это один из сотни его самых близкий друзей!

Скрипя зубами от злости, сама набираю Рому, но тот нагло сбрасывает мои вызовы.

Гондон штопаный. Я же все равно тебя уволю!

Кладу телефон в карман, туда же прячу руки и вдруг вижу, как проезжающий мимо черный седан сбрасывает скорость, останавливается и начинает сдавать назад.

Только не это!.. Пожалуйста.

Тормозит ровно напротив меня и опускает стекло.

– Садись, красивая! – свешивая локоть из окна, широко улыбается незнакомый парень.

– Спасибо, – качаю головой с каменным лицом, – за мной сейчас подъедут.

По опыту знаю, что ни улыбаться, ни грубить навязчивым незнакомцам нельзя. Они воспринимают это как провокацию.

Тем более, когда уже сумерки, и ты одна на трассе.

– Испугалась, что ли? – смеется парень,– садись, не обидим.

– Спасибо, но нет, – проговариваю твердо, инстинктивно отступая назад.

И тут вижу второго, того, что за рулем.

– Садись, Крис, – говорит Эйне, глядя на меня из-за своего пассажира.

Меня словно в грудь толкают. Так бурно на него реагирует моя сердечная мышца. Горло перехватывает.

– Привет, – киваю, сглатывая вязкую слюну.

– Садись, добросим до города.

Клянусь, если бы он был в машине один, я бы не села. Но он с безобидным с виду другом, и уже темно.

– Высади на въезде, пожалуйста.

Фил вообще не реагирует. Включает поворотник и, глядя в зеркала, отъезжает от остановки. Зато его друг разворачивается ко мне и протягивает руку.

– Дима.

– Кристина, – приходится ответить на пожатие.

– И что такая красивая Кристина делает одна на трассе ночью?

– Работает, – отвечаю прежде, чем успеваю продумать последствия.

Мой говноюмор до добра не доведет.

– Да-а-а?.. – в притворном ужасе прикрывает рот ладонью, – но здесь же низкий трафик.

– У меня постоянные клиенты. С минуты на минуту ждала дальнобойщика Василия, и из-за вас потеряла пятеру.

Ошалевшее лицо Димы застывает комичной маской. В глазах тень недоумения и дикой восторг.

– Фил, брат… – трогает его за плечо, – я кажется, впервые в жизни влюбился.

Я поднимаю глаза и в зеркале заднего вида ловлю взгляд Эйне. В нем нет легкомысленного веселья или обиды за мой отказ. Густая темень и потоки льющейся на меня тяжелой

энергии.

– Она не свободна, Димон. Это девушка Бурковского.

И слова нейтральные, и голос эмоциями не окрашен, но мне чудятся в нем скрытые сарказм и издевка.

– Жаль, – вздыхает Димон и кончиками указательных пальцев стирает с глаз невидимые слезинки.

До города меня больше не трогают. Пользуясь тем, что парни тихо переговариваются, я незаметно оглядываюсь.

Дорогая тачка, но не вычурная, как у Артема. Салон отделан коричневой кожей с черными вставками. Комфортное сидение приятно греет замерзший зад.

Филипп ведет уверенно. Расслабленно откинувшись на спинку, удерживает руль одной рукой. Залипаю на его профиле. Всматриваюсь, отмечая, что он не идеал красоты. Линия челюсти немного удлинена и нижняя губа заметно полнее верхней. Но все эти нюансы, плюс аура и тяжелая энергетика, плюс холодность и безымоциональность – все вместе собирается в образ, от которого я теряю голову.

В прошлый раз, перед тем, как он исчез на два месяца, было точно так же. Поначалу он жутко бесил, раздражал своим независимым видом и тем, как я реагирую на него. Потом я успокоилась, поняла, что дело не в нем, потому что внимания он на меня не обращал вообще.

Потом он уехал, и я смогла убедить себя, что это к лучшему.

А сейчас. Он душит меня своими взглядами и лишил по-

коя предложением пойти с ним.

– Останови здесь, – прошу, вспоминая, что неподалеку станция метро.

– Я в бар еду, – отзывает негромко.

Проезжает проспект и, повернув вправо и проехав пару кварталов, останавливается у жилого комплекса. Дима, потянувшись, забирает лежащую около меня спортивную сумку и открывает дверь.

– Приятно было познакомиться, Кристина, – подмигивает весело, – если надумаешь бросить Бурковского и дальнобойщика Василия, возьми мой номер у Эйне.

Он уходит, и мы с Филиппом снова остаемся один на один.

Глава 8.

И снова давит в груди и трудно дышать.

– Я тоже выйду, – выговариваю, подаваясь к двери, – остановишь?

– Не психуй, не будет больше поползновений.

Резко выдыхаю и отворачиваюсь к окну, чтобы скрыть невесть откуда взявшиеся слезы.

Почему с ним так? Как получается у него сходу в самые глубины моей души проникать?.. Почему не получается как со всеми?.. Игнорировать или грубо отшутиться?

– На кладбище ездила? – спрашивает как бы между прочим.

Да какое тебе дело?.. Не лезь туда, куда тебя не просят! – хочется рявкнуть, но бешено колотящееся в груди сердце и

резь в голосовых связках на корню гасят мой порыв.

– Да.

– К отцу?

– День рождения… у мамы.

Молчит. Не вижу его реакции, потому что прилипла лицом к стеклу. Изображение проплывающего мимо городского пейзажа расплывается, вонзаюсь зубами в нижнюю губу.

Машина останавливается на светофоре, льющаяся из динамиков музыка становится чуть тише.

– Почему Тёмыч тебя не свозил?

Черт! Я так и знала!.. Так и знала, что он спросит именно это!..

Ну, почему ему до всего есть дело?!

– У него дела!

– Он еще в полдень звал меня в бар. Не было у него никаких дел.

Шмыгнув носом, бросаю взгляд на циферблат своих смарт – часов. Потом переворачиваю телефон экраном вверх и зачем-то активирую экран.

– Я предпочитаю ездить туда одна. Такой ответ устроит?

– Да мне, в общем-то, похрен, – резко поворачиваю голову и ловлю в отражении зеркала взгляд черных глаз, – вопрос в том, устраивает это твоего парня или нет. Ну, и тебя саму, конечно.

– Нас все устраивает, – выбиваю на эмоциях, которые срывают мой голос, – и меня, и Артема! У нас все нор-маль-но!

– Кому пи*дишь?.. – бормочет с усмешкой и демонстративно прибавляет громкость радио.

Охренеть!.. Вот это охренеть!.. Всего парой вопросов довел меня почти до истерики!!! Сатанинское отродье!

К черту его!!! Просто к черту! Пусть хоть глаза сломает на меня смотреть. Вообще плевать!..

– Нижайшее спасибо! – цежу, когда машина останавливается на парковке клуба, и тут же из нее вылетаю.

Бар начинает заполняться, тихо играет музыка, за стойкой хмурая Полина.

– Я сейчас! – бросаю, проносясь мимо.

Врываюсь в квартиру и с грохотом швыряю рюкзак на пол. Напряжение, отступая, прогоняет через мое тело нервную дрожь и активирует желание на ком-нибудь сорваться.

– Ты че так долго, зайчон? – спрашивает появившийся из комнаты Артем.

Влажные волосы зачесаны назад, в руках темно-серая рубашка.

– У меня сегодня выходной! – отчеканиваю каждую букву.

– Да заболел он! По голосу слышно! – оправдывается Тёма, плавно двигаясь на меня.

– Мне по*бать! Я завтра же начинаю искать нового бармена!

– Крися…

– Только попробуй мне слово сказать, Артем! Я тогда сама уволюсь, будешь бегать за ним сам!

Снимаю куртку, скидываю ботинки и, обойдя его по дуге, захожу в ванную. Тёма плетется за мной. Выставляет руки на пьедестал раковины по обе стороны от меня и прижимается сзади.

– Крис… – плавное движение бедрами и густой выдох в мои волосы.

Включаю кран и упрямо поджимаю губы. Я все еще злюсь на него за день рождения Эдика, хотя он извинился не менее сотни раз, и всю неделю даже капли алкоголя в рот не взял.

Я не могу простить ему то чувство стыда, что каждый раз испытываю перед Эйне.

– Я позвоню Ромео прямо сейчас и скажу, что мы ищем нового бармена.

– С какой стати ты станешь перед ним оправдываться? Пусть спокойно себе болеет.

– А вдруг у него случится чудесное исцеление, и уже завтра он выйдет на работу?

– Я не хочу, чтобы он выходил на работу.

– Пфф… ладно, Крис, как скажешь, – зарывается носом в мои волосы, – от тебя лесом пахнет. В парке гуляла?

– На кладбище ездила.

– Бл*дь, – вскидывает взгляд и смотрит на меня через отражение в зеркале, – годовщина сегодня?

– День рождения мамы.

– Ммм… почему не сказала? Вместе бы съездили.

– Я сама…

Артем, положив обе руки на мой живот, мягко на него давит. Добирается губами до шеи и игриво прикусывает зубами. У него эрекция.

– Иди, Тём, тебя там ждут.

– Подождут…

– Там внизу Эйне.

Оба замираем на мгновение, а потом Артем ловит в зеркале мой взгляд. Меня окатывает жаром, спину, напротив, покалывает неприятным ознобом.

– Иди, Тём. Мне переодеться надо.

Словно сорвавшись, он со всей дури обнимает меня и вжимает в себя до хруста костей.

– Крис!.. Люблю тебя, детка!!! Бл*дь! До безумия люблю!!!

– И я тебя, – шепчу сипло, – иди, Тем…

Жестко впившись в губы перед уходом, наконец, оставляет меня в ванной одну. Я быстро раздеваюсь, принимаю горячий душ и привожу себя в порядок. Высушиваю волосы феном и собираю их в высокий аккуратный хвост. Крашу глаза, наношу на ресницы два слоя туши.

Затем вынимаю из шкафа свою униформу. Узкие черные брюки, клетчатую рубашку и черный двусторонний фартук с большими кожаными карманами. Одеваюсь, пихаю ноги в удобные лодочки и бегу вниз.

Полина с явным выражением паники на лице наполняет бокалы пивом. А Артем, стоя рядом с ней, как может, раз-

влекает скопившуюся очередь.

Вот уже кому всегда и везде рады. Луч света в Старом лесу. Никто и не думает возмущаться, что Поля явно не справляется с возложенными на нее обязательствами. Раскрыв, рот слушают какую-то байку от Тёмы. Две телочки, улегшись на стойку грудью, смотрят на него снизу вверх, как на божество.

– А вот и хозяйка пивных бочек пожаловала, – смеется Полина с облегчением и, сунув в мою руку пустой бокал, мгновенно исчезает.

Артем, обняв мои плечи, целует в уголок губ, и телочки синхронно кривят губы.

– Не дуйся, детка, я все решу, – шепчем очень тихо, – обожаю тебя.

К середине вечера я выбиваюсь из сил, потому что встала сегодня очень рано, чтобы успеть съездить в универ и навестить родителей. Думала отдохнуть вечером за чтением книги и пораньше лечь спать.

Кто же знал, что теперь моим личным временем распоряжается Ромео?..

Филиппа нет. Он уехал сразу после того, как я спустилась вниз. Встал из-за стола и, коротко кивнув Тёме, вышел из бара. В мою сторону даже не посмотрел.

Я рада, что мне не приходится весь вечер прятаться от его взглядов и вздрагивать всякий раз, когда слышу его низкий голос, однако вскоре к ощущениям дикой усталости и хро-

нического раздражения добавляется привкус едкого разочарования.

И слова его о том, что «поползновений больше не будет» не дают покоя. Застряли в сознании и дерут его маленькими крючочками. Почему-то мне кажется, в них кроется нечто важное для меня. Эйне не из тех, кто станет разбрасываться обещаниями.

Глава 9.

Модные биты, проникая в уши, ударяются о барабанные перепонки и откликаются в каждой клетке моего тела. Медленно покачиваясь под музыку, тяну через трубочку безалкогольный коктейль.

– Зажжем? – орет в ухо Лия, девушка с восточной внешностью, время от времени появляющаяся в нашей компании.

Сегодня она пришла с Никитой, и я даже видела, как около туалета он пихал язык в ее рот.

Отрицательно мотаю головой, потому что я, в отличие от нее, абсолютно трезва. Зная, как Лия умеет зажигать танцпол, стараюсь не оказываться там рядом с ней.

– Блин!.. – ругается, шаря по толпе пьяными глазами в поисках того, кто согласится составить ей компанию, – ты такая тухлая!

Возможно. Я вообще не хотела сюда идти, потому что здесь мог быть Филипп, но пошла, как ни бредово это звучит, по той же причине.

Пожав плечами, снова присасываюсь к трубочке. Лия, взметнув волосы, резко разворачивается и теряется в толпе дергающихся людей.

Спокойно допиваю свой коктейль и вижу, как, пританцовывая, ко мне приближается Артем. Забирает бокал из моей руки, оставляет его на стойке и тянет меня в самую гущу

танцпола.

– Потанцуем? – читаю по губам, и следом мою талию обвивают сильные руки.

Судя по запаху, Артем только с перекура. Алкоголем от него не пахнет, по опыту знаю, что последствий той пьянки хватит как минимум еще дня на три.

Обнимаю его за шею и поднимаю голову. Полосующие его лицо красные блики добавляют взгляду чертовщины. Губы изгибаются в порочной улыбке.

Гаденыш. Мой гаденыш.

Зарываюсь пальцами в волнистые локоны, тяну вниз, вынуждая Тёму откинуть голову назад, и прижимаюсь губами к нижней границе челюсти. Нежно прихватываю, а потом несильно цапаю зубами.

Ладони Бурковского съезжают по пояснице и впечатываются в мои ягодицы. Движения наших бедер замедляются и становятся чувственнее. Прижатый к моему животу его пах заметно увеличивается в размере.

Я бы прямо сейчас поехала домой. Хочу отоспаться, потому что завтра моя смена. И Эйне нет.

– Может, поедем? – громким шепотом в самое ухо.

Отрицательно мотает головой, целует в губы, расталкивая зубы языком и нагло проникая внутрь. Жарко отвечаю, надеясь, что этот довод станет решающим.

– Ты сто лет не танцевала, зайчон… – говорит он и внезапно меня отпускает.

Не успевая ничего понять и правильно среагировать, в следующую секунду оказываюсь в объятиях Никиты. Другое лицо, чужой запах и руки на моем теле. Неприятно.

– Потанцуем? – играет бровями.

– Фу, блин… Ник! – упираюсь руками в плечи и максимально отвожу корпус назад.

– Кри-и-ис… ты такая… сладкая…

От него несет свежевыпитым алкоголем и лимоном. Ярко-красные губы блестят от слюны.

– Ник, пусти, – цежу раздраженно и вдруг чувствую, как сзади ко мне прижимаются.

Тёма.

Обвивает талию руками, губами прижимается к шее. Секундное облегчение сменяется откровенным недоумением, потому что Ник никуда не исчезает. Продолжая обнимать, тянет меня на себя. Я оказываюсь зажатой между двумя парнями.

И что самое ужасное – у обоих эрекция.

Твою мать!

– Тёма!!! Артем! – вкладываю в руки всю силу, что у меня есть и отталкиваю Никиту.

Тот, теряя равновесие, отшатывается назад и едва не падает в толпу. Глаза мутные, шальные, на щеках красные пятна. Рука летит вниз, чтобы прикрыть вздувшуюся ширинку.

– Тёма… черт!..

Пихаю его локтем, но он, фиксируя мои руки, прижимает

их к телу и, не переставая раскачивается под музыку.

Никто из танцующих внимания на нас не обращает, только Ник, вытирая рот ладонью, смотрит на нас исподлобья.

– Свали, Никитос! – грубо бросает Артем, – еще раз подойдешь, уебу!

Усмехнувшись, он разворачивается и вскоре теряется в толпе. Меня трясет, ноги не слушаются, то и дело встают пятками на носки Теминых ботинок.

– Что это было?.. – бормочу под нос, не заботясь, что Артем меня не слышит.

Он тоже что-то шепчет. Плавно раскачивая меня под музыку, гладит руками вверх и вниз.

Дыхание выравнивается, но отголоски паники еще дают о себе знать тремором кончиков пальцев. Пытаясь расслабиться, прикрываю глаза и упираюсь затылком в плечо Тёмы. Он целует мой висок.

Чувствую, как медленно кружимся вокруг своей оси. В лицо бьет свет прожектора, и я распахиваю глаза. Моргаю, спасаясь от слепоты, увожу лицо в сторону и вдруг вижу Эйне.

Он стоит у барной стойки и смотрит на нас.

Не один стоит.

Рядом красивая высокая девушка с длинными темными волосами. Под стать ему. Она не клеится к его плечу и не виснет на шее, но они точно вместе.

Я слету идентифицирую эти нюансы. Легкое касание их

рук и ее на него взгляд. Полный сдержанного счастья и удовлетворения. Укол боли в сердце и растерянность на время глушат внешние раздражители. Лазерные лучи раздражают сетчатку, музыка сливается в монотонный гул.

Мы сцепляемся взглядами, и я понимаю – он все видел.

Захлебываюсь в потоке его энергетики. Горю от стыда и разочарования. Задыхаюсь от ревности.

Боже… какая глупость. Он стоит рядом с девушкой, и все его взгляды на меня, касание, слова кажутся сейчас унизительной пантомимой, которую я приняла за нечто большее.

Больная идиотка.

С усилием вырываюсь из зрительной сцепки и разворачиваюсь к Тёме. Он, словно только этого и ждал, сразу целует. Без языка, только губами, но так порочно, что в иной ситуации у меня подогнулись бы колени.

– Поехали, а?.. Я трындец, как хочу домой, – тычась в его подбородок кончиком носа, жалобно хнычу.

Артем смотрит на меня сверху вниз, очевидно, раздумывая, поуговаривать меня еще или сдаться. И, согласно кивнув, берет за руку и ведет за собой… в сторону барной стойки.

Прямиком к Филиппу и его красивой брюнетке. У меня заторможены все реакции, и поэтому я дергаю Тёму за руку, когда до них остается не больше метра.

– Здорово! – пожимает руку Эйне и переводит взгляд на его девушку, – привет.

– Ярослава, – улыбается она и тоже пожимает руку Артему.

Я стою за плечом Бурковского и яростно сжимаю его пальцы, мысленно умоляя поскорее отсюда уехать. Но он будто не чувствует, оборачивается ко мне и, освободив ладонь из моих тисков, обнимает за плечи.

– Кристина, – выдвигает меня вперед.

Ярослава продолжает улыбаться, но смотрит оценивающе. Лицо, волосы, беглый, но очень внимательный взгляд по платью и моим ногам.

Я в оцепенении. Сознание выхватывает отдельные детали, но все мое существо захвачено и парализовано энергетикой Эйне.

Не смотри… не смотри на него, Крис… не делай этого, умоляю!..

Но взгляд мой, как мощным магнитом притягивает к лицу Эйне, к двум темным омутам, которые тут же считывают мое состояние.

Крылья носа вздрагивают, губы вытягиваются в полоску.

Это ничего не значит, то, что ты видел! – кричу мысленно, – я не такая! Перестань так смотреть на меня!

– Мы с Крис сваливаем, – сообщает Тёма, – вы с нами? Посидим у нас в баре, обсудим.

Эйне, чуть сощурив глаза, согласно кивает.

Глава 10.

Филипп.

– Старый лес? – восхищенно переспрашивает Ярослава, – тот самый?.. Он Артему принадлежит?

– Да, ему и его девушке.

– Ого! – выдает, изображая шок на своем лице, – мы с ребятами собирались сходить туда, только позже. Но раз приглашают сейчас…

– Сходишь с ребятами позже, – перебиваю, снимая машину с сигнализации, – я тебя домой отвезу.

– Домой? Но я не тороплюсь… Филипп, я могла бы поехать с тобой…

Открываю для нее дверь, терпеливо жду, когда она поставит у сидения длинные ноги, расправит подол пальто, и только после этого сажусь сам.

– А ты поедешь туда?

– Да.

– Но мне с тобой нельзя?.. – делает заключение.

Я бы мог взять Яру с собой. Она стала бы гарантом того, что и этот вечер тоже закончится пристойно. Но меня жрут черти, я хочу знать, какую роль играет Кристина в постановке Тёмыча.

Он утверждает, что ведущую, все согласовано и уже не раз отыграно. Не могу поверить, пока не удостоверюсь в этом

лично. И если он не врет – хочу сыграть с ними партию.

После этого должно отпустить.

– Нельзя.

– Ладно, – жмет плечом, пряча разочарование за деланой улыбкой.

Достает из кармана телефон и до конца пути листает новостную ленту.

Зря я ее позвал, предполагалось, что вечер закончится на кровати в моей квартире, но я не думал встретить Артема и Крис в клубе.

Встретить и заглотить его наживку.

Долбоеб.

– Прости… – говорю, сворачивая к шлагбауму элитного жилого комплекса, – я на следующей неделе в Питер на несколько дней смотаюсь. Наберу тебя, когда вернусь.

– Да… конечно, звони…

Отстегивает ремень и, помешкав немного, тянется в мою сторону, но застывает в десяти сантиметрах от моего лица. Рецепторов касается сладкий запах духов.

Неловкая пауза затягивается. Я, глядя ей в глаза, молча жду, когда выйдет.

– Пока?.. – улыбается, смутившись.

– Спокойной ночи.

Пока еду до Старого леса, пару раз всерьез подумываю свернуть домой. Но не сворачиваю. Не успокоюсь, пока не узнаю, что из того, что говорил Бурковский о Кристине –

правда.

Пи*дит он много, но никто из его друзей еще ничего ни разу не подтвердил.

Фото ее голой писюшки видели все. Вставило даже меня. Про секс втроем не уверен. И вроде миниатюра в клубе не оставляет места сомнениям, но, бл*дь, я продолжаю сомневаться, потому что видел ее реакцию на Ника. Но в то же время, вижу, как ее торкает, когда я на них с Тёмычем смотрю.

Народу в баре немного. Бурковский, сидя за угловым столом, трындит с каким-то перцем. Крис за барной стойкой помогает Ромео.

Этот факт не должен, но почему-то раздражает. То ли ей нравится в роли Золушки, то ли она реально дура.

– Выпьешь? – спрашивает Бурковский, когда я опускаю зад на диван.

– Яблочный сок.

Перец, пообещав перезвонить и что-то там решить, испаряется, а Темыч, оборачивается и, чуть присвистнув, привлекает внимание Крис.

– Яблочный сок, – поднимает указательный палец вверх, а потом указывает им на меня.

Кристина замирает, вспыхивает. Зависает на мне взглядом на несколько секунд и медленно кивает.

Меня штырит от ее эмоций. Воротит от ее фантазий, если они есть, но, сука, так штырит!

Пока она приближает со стаканом сока в руках, я выни-

маю телефон из кармана, кладу его на стол, снимаю куртку и бросаю ее рядом на диван.

Подходит, встает рядом. Все в том же черном коротком платье, что было на ней в клубе, в облаке тонкого аромата. Никак не могу разобрать, что это – духи или ее собственный запах.

– Посиди с нами, – обращается к ней Артем.

Крис молчит и смотрит при этом на меня, словно ждет и моего приглашения. Я не реагирую, забираю стакан, что она поставила на стол и делаю из него глоток.

Нет уж, ребята. Давайте сами.

Кристина садится рядом со своим парнем, но тот, ловко перехватив ее, усаживает на свои колени.

Шоу началось.

Потягивая яблочный сок, наблюдаю за ними. Рука Бурковского, якобы нечаянно скользнувшая по ее груди, влажный поцелуй в шею и еле заметное движение бедрами.

Темыч играет на публику, а Кристина…

Легкий поворот головы, и мы врезаемся взглядами. Взмах ресниц, глубокий вдох и отчаянная смелость в глазах. Нижнюю часть моего тела опаляет искрами.

Ее заводит эта игра. Что ж… посмотрим, как далеко ты сможешь зайти, Крис.

Откидываюсь на спинку дивана и продолжаю наблюдать.

Темыч шепчет ей что-то на ухо. Не понятно, слышит она его или нет, и не понятно, понимает ли, потому что смотрит

при этом мне в глаза.

Да ну, на*уй. Не верю.

Ты, правда, хочешь этого, Крис?! Хочешь поиграть?..

Вытягиваю ногу под столом и легко касаюсь носком ее ботинка. Судорожный вдох, молния в глазах, и ногу, как в прошлый раз, не убирает.

Бурковский продолжает вылизывать ее шею. Я снова поддеваю ее ногу.

Вижу, как дрожит. В глазах поволока, а в воздухе, клянусь, запах ее желания витает.

Съезжаю бедрами чуть вниз, потому что член башкой вот-вот ширинку вскроет.

Удивляешь, Крис. Не ожидал. Я редко в людях ошибаюсь, но в этот раз очевидный промах. Другой она мне представлялась – чище и правильнее. Думал, Темыч подавляет ее в отношения, слишком резок на поворотах, но нет…

У них другой формат. Нестандарт. Обоих все устраивает.

Ну… а меня – тем более.

Делаю еще глоток сока, а Кристина, обняв Бурковского за шею, что-то неслышно ему говорит. Тот так же тихо отвечает. Я, бл*дь, не дышу.

Ее нога исчезает.

– Спокойной ночи, – одними губами.

Поднимается, пряча глаза, поправляет подол платья и выходит из-за стола. Осматриваю ее с ног да головы. Худенькая, стройная. Красивая очень. Если бы не Бурковский, я бы

ее еще в прошлом году взял, но девочки друзей для меня существа бесполые.

Однако мнение самого Артема на этот счет коренным образом меняет ситуацию.

Провожаю взглядом, пока она идет через зал и не исчезает в коридоре за барной стойкой. Тёмыч, развалившись на диване напротив, палит.

– Ну, что?.. Был на Пятницкой? – спрашивает, когда объект моего интереса из поля видимости пропадает.

– Был… Неплохо, – подтверждаю, – смета нужна.

– Сделаем.

Еще один бар. С меня деньги, с Бурковского – все остальное. Мог бы сам, но немного не мой профиль.

– Только с помещением тянуть нельзя – уведут.

– Не тяни, – выдаю, осушая стакан с соком, – готовь документы.

Тот, кивнув, подается вперед и складывает руки на столе. Смотрит на меня, почесывая языком верхние зубы.

Разговоры о делах окончены.

– Убедился? – усмехается тихо, нервным движением проводя ладонью по лбу.

Если он о том, что его девочка фонтанирует эмоциями на меня, то да, убедился. Уже давно.

– Я надеюсь, вы знаете, что делаете…

– Ты ей нравишься. На тебя она согласится.

Буравлю его взглядом, чувствуя, как вдоль позвоночного

столба к крестцу стекает тепло. Цепляет его девочка, но после тройника, уверен, отпустит.

– И у тебя на нее стоит, – добавляет с улыбкой.

Глава 11.

Волны дрожи, идущие из области солнечного сплетения, сотрясают все тело. Кожу пробивает испариной. Легкие на подъеме врезаются в ребра.

Что это было?! Что это, мать твою, сейчас было?!

Закрываю дверь нашей квартиры изнутри, падаю на нее спиной и, тщательно облизав сухие губы, тяжело сглатываю.

Хватаюсь руками за волосы, лицо, провожу ладонями по телу.

Перед глазами Эйне.

Боже… Господи, дай мне сил удержаться и не уйти с ним, если он снова позовет.

Пожалуйста…

Я ведь пойду. Даже сомневаться больше не стану.

Впечатав ладони в лицо, вонзаю ногти в кожу. Глухо стону и съезжаю вниз по полотну двери.

Я хочу его. Срань господня! Как я его хочу!.. До трясучки! До заворота кишок! Смотреть, трогать, чувствовать. Видеть, как черты его лица искажает оргазм.

Оооо… Тёма, прости…

Растираю кончиками пальцев губы, а потом, скольжу рукой вниз, под подол платья и прижимаю ладонь к мокрому насквозь белью.

Из глаз брызжут слезы. Подкативший к горлу ком пере-

крывает трахею.

Подорвавшись, бросаюсь в ванную и, включив воду в душевой, срываю с себя одежду. Платье, чулки, белье – все сразу кидаю в корзину и встаю под упругие струи.

Взбиваю густую пену и на несколько раз промываю волосы, потом неистово скоблю тело мочалкой, словно это поможет стереть образ Филиппа из сознания.

В низу живота еще горячо, между ног тянет и пульсирует, и тогда я понижаю температуру воды до порога терпимости. Не шевелясь, стою, пока нервный колотун не сменяется на дрожь от холода.

Только после этого поворачиваю вентиль и растираю тело полотенцем. Надеваю сорочку, а вот волосы приходится просушить феном, иначе утром я их не расчешу.

Привычные действия успокаивают. Пульс стабилизируется, дыхание выравнивается. Мысли том, что было внизу, и почему я поддалась на провокацию, сознательно блокирую. Разберу их позже, когда появится возможность сделать это без участия соматических реакций со стороны моего организма.

Настенные электронные часы показывают почти два, значит, скоро придет Тёма. Хочу заснуть до того, как это произойдет, потому что мне ужасно стыдно.

Ложусь в кровать и закрываю глаза. Тьма тут же атакует. Наваливается на меня душным мороком, словно только этого и ждала.

Он смотрит. Смотрит и черными глазами сманивает меня пойти с ним. Он всюду. Снаружи и внутри. Окутывает энергетикой и давит, давит, давит… на грудь, живот и теплой патокой стекает в развилку между ног.

Господи… Это невыносимо…

Перевернувшись на живот, зажимаю одеяло между ног и слышу, как открывается дверь, и в квартиру заходит Артем.

Да, нет… Все правильно. Хорошо, что он пришел.

– Спишь? – встав на пороге, спрашивает шепотом.

– Почти…

– Я сейчас.

Уходит в ванную. До слуха доносятся шелест падающей на пол одежды и шум льющейся воды.

Я прижимаю ладонь к горячему лбу. Теперь я жду Тёму. Пусть придет и прекратит мои мучения.

Слышу торопливые шаги, и вскоре он вытягивается рядом со мной. Лежа на животе и опираясь на локти, смотрит в мое лицо.

В груди закручивается торнадо, я жду, что сейчас он спросит про него, но нет. Проведя по нижней губе подушечкой большого пальца, Артем обхватывает мой подбородок и целует.

Нежно… чувственно… порочно…

Выманивает мой язык и играет им – поддевает своим, облизывает. По телу проходит волна слабости. Я откидываю одеяло в сторону и, обнимая его шею, тяну на себя.

Больше Тёмы, еще больше… максимум тактильных ощущений, максимум его запаха.

Давай, Тёмочка, давай, мой хороший, заставь меня забыть о нем!..

Подтягиваюсь, льну к нему, пробуждая и перенастраивая свое тело на другую, правильную, волну. Глажу его плечи, затылок, царапаю ногтями кожу головы. Каждым движением сигнализирую о жажде.

– Крис… пиздецки… ох*еть, как тебя хочу… – рваным шепотом.

Я трясусь под ним. Стону, пожалуй, впервые в жизни, так откровенно.

– Я тоже… тоже, Тёма…

Чуть отстранившись, тянет подол моей сорочки вверх. Оголяет грудь, сжимает сразу два полушария. Соски болят, ноют и при первом же к ним касании выбивают глухой вскрик.

– Такая красивая… – бормочет возбужденно, – самая, Крис… самая ох*енная девочка… лучшая… любимая…

Его тоже трясет. Густая темнота, разбавляемая лишь тусклым светом из окна, очерчивает его тело странным сиянием. Блеск глаз схож с безумием. Зеркалю тем же. Сгибаю ноги в коленях и, широко их разведя, прогибаюсь в пояснице.

– Крис… что творишь?.. Смерти моей хочешь? Сдохну же.

Припадает ртом к груди, прикусывает, оттягивает губами

соски, перекатывает их во рту. Потом медленно, со вкусом ласкает живот, нежно трогает, целует, пока он не начинает мелко дрожать и вибрировать.

И, наконец, спускается ниже. Поддевает пальцем резинку моих трусов сбоку и тянет вверх так, что ластовица врезается в промежность и давит на клитор.

Дергаюсь от пронзившей низ живота молнии и жадно заглатываю кислород. В глазах цветные круги расплываются.

– Бл*дь! Бл*дь… мать твою, зайчон!.. Ты течешь!.. Вся мокрая!..

Я в шоке, да. В диком шоке и панике, но прямо сейчас все мое существо сосредоточено на другом. Чем сильнее возбуждение, чем ярче и слаще спазмы между ног, тем больше с нами Эйне.

Он чудится мне во всем. В каждом касании Артема, в каждом его голодном стоне, в каждом моем судорожном вдохе.

Закрываю глаза. Жмурюсь, пряча лицо в руках. Все усилия на концентрацию ощущений. Чувствую губы Тёмы внутренней стороне бедра. Дышит жарко, жаля кожу, целует, всасывая ее в рот. Большим пальцем вдоль губок через ткань белья водит.

Извиваюсь, пугаясь собственных стонов и вдруг замираю, когда в меня ударяет волна мощной энергетики.

Распахиваю глаза и боковым зрением вижу высокий темный силуэт.

Его вижу!!!

Шок. Неверие. Глубинный взрыв и вспышка ярости на саму себя и свое наваждение. Не верю!.. Не может быть!

Но он приближается. Садится на корточки у моего лица. Лицо Артема прижимается к промежности.

Я парализовано застываю. Наши с Филом взгляды состыкуются – кровь в венах превращается в жидкий огонь. Сердца вообще не чувствую.

Мираж. Морок. Галлюцинация.

Мой самый страшный кошмар.

Мое самое заветное желание.

– Тё-ма… – на грани слышимости, как остов моего благоразумия.

Как последняя надежда и крик о помощи.

Но он целует, умело, жарко и порочно. Отодвигает полоску белья в сторону и легонько дует на клитор.

– Тё… ма…

Филипп при этом смотрит мне в глаза. Я проваливаюсь в темный омут, ни одной попытки, чтобы зацепиться и спастись. Нет шансов.

– Разреши, Крис… – слышу хриплый шепот Бурковского, – пожалуйста… пусть посмотрит…

Горячая волна омывает с головы до ног. Промежность схватывает сладким спазмом. Я тону в энергетике Эйне.

Вижу, как замедленно моргает, не спеша протягивает руку и обхватывает мой подбородок двумя пальцами.

Язык Тёмы погружается в мои складки.

Фил сминает мои губы жестким поцелуем.

Глава 12.

Разряды молнии в центр груди. Второй. Третий.

Прицельные, в одно и то же место. До остановки сердца и перекрытого дыхания. Кожу опаляет обжигающими искрами.

Фил меня целует.

Чужой язык во рту. Чужие вкус и запах. И ощущения незнакомые. Ошеломительные и дикие по своей силе. Пальцы давят на подбородок, вынуждая открыть рот еще шире.

Вгрызаясь, наполняет меня собой. Смешивая нашу слюну, скользит вдоль моего языка.

Я не отвечаю. Не могу. Даю послушно то, что он требует и горю от эмоций.

Тёма целует меня внизу. Фил терзает губы.

Отстраняется ненадолго, чтобы посмотреть в глаза и снова целует, на этот раз, касаясь рукой моей груди.

Тихо стону ему в рот и чувствую язык Тёмы на своем клиторе.

Боже… я умерла… все, что происходит со мной – происходит не в этой Вселенной и не в этой жизни.

В реальности такого случиться не могло.

Но…

Моя рука взлетает и обнимает Эйне за шею. Мой язык совершает встречное движение – ладонь Фила нетерпеливо

мнет мою грудь.

– Крис… – шепот Тёмы, – давай снимем это, детка…

Чуть приподнимает мои бедра и стягивает по ним трусы. Филипп прерывает поцелуй и смотрит.

Они оба туда смотрят.

– Смотри, Фил… смотри, какая красивая…

Снимает белье, отбрасывает его в сторону и разводит мои ноги в стороны.

Меня пронзает насквозь. В голове туман, а внутри пожар.

И кажется… кажется, я готова кончить прямо сейчас.

– Она идеальная… – проникает в уши бормотание Тёмы, – смотри, какая…

Я вонзаюсь ногтями в шею Фила, но он смотрит туда. Крылья носа трепещут, губы чуть приоткрыты. И я мысленно молю, чтобы не делал этого, чтобы снова поцеловал.

Но он смотрит!

–Тё-ма… – свожу колени вместе, но мне не дают.

– Зайчон… не надо… пожалуйста… не закрывайся.

Мягко, но настойчиво раздвигает бедра и взглядом просит Эйне, чтобы помог. Тот, бросив взгляд на мое лицо, подцевает мою правую ногу под коленом. Вторую держит Артем.

Болезненный глубокий вдох и дробный выдох.

Я вижу только Фила. Сквозь дурман похоти начинает пробиваться ледяной ужас.

Царапаю его шею ногтями.

Тёма что-то торопливо шепчет. Склоняется ниже и снова

целует. Добавляет пальцы. Гладит, нежно раздвигая складки.

– Розовая… шелковая…

– Филипп, – выдавливаю я.

Короткий острый взгляд в глаза, и в следующее мгновение рука Артема исчезает, а в меня врываются пальцы Эйне. С такой силой, что меня подкидывает вверх. Одновременно с этим он затыкает меня поцелуем.

Я в ступоре. Перебираю руками в воздухе. То за трахающую меня руку хватаюсь, то ладонями в грудь упираюсь.

– Бля… бля… – сиплый шепот Тёмы, – это ох*еть, бл*дь!..

Но голос его теряется в звонком гуле нарастающего между нами с Филиппом электрического напряжения. Он жарко влажно целует меня и жестко имеет пальцами.

Я теряюсь в нем, в его энергетике, путаюсь как в паутине и вязну по самую макушку.

Обнимаю шею его обеими руками и подтягиваюсь к нему всем телом, но вдруг чувствую Тёмину руку на своем бедре. Она удерживает меня в прежнем положении и не дает повернуться к Эйне.

– Фил, дай мне…

Мы отстраняемся друг от друга, и уже в следующее мгновение Тёма вгоняет в меня член.

– Филипп… – вылетает на выдохе.

Я смотрю в его глаза. В них темень и страшная буря. Исходящие от него волны агрессии бьют по нервным оконча-

ниям. Мы оба застываем, и я буквально чувствую, как внутри с хрустом что-то ломается.

Распрямив спину, Эйне поднимается на ноги. Несколько мгновений смотрит на то, как яростно Артем вбивается в меня. А потом медленно снимает свитер, расстегивает ремень, ширинку и избавляется от джинсов.

Закрываю лицо руками, но мне не позволяют.

– Крис… – возбужденно шепчет Бурковский, – зайчон… тебе понравится… клянусь…

Вдвоем снимают с меня сорочку и вместе набрасываются. Артем продолжает то, на чем остановился, а Фил становится коленями на кровать около моей головы и прежде, чем я успеваю что-то сообразить, в мои губы упирается головка его члена.

Меня сковывает паралич. Я не шевелюсь, а Тёма, словно сорвавшись, усиливает толчки, мнет мою грудь руками, щиплет соски.

– Давай… детка… – с хриплым стоном в унисон своих движений, – Крис, пососи ему.

Я поднимаю взгляд на Эйне. Он возвышается надо мной как скала. Темный, неприступный и опасный. Но лице каменная маска, и черная подавляющая аура, что заставляет разомкнуть губы и позволить ему толкнуться в мой рот. Сразу резко и глубоко. Закашливаюсь.

– Полегче, Фил!.. – рычит Артем.

И да. Такого больше не повторяется. Зафиксировав рука-

ми мою голову, он четко выверяет свои движения. На языке растекается его вкус. Терпкий солоноватый и совершенно незнакомый.

И запах. Рецепторы будоражит запах его кожи, который вкупе с энергетикой, вкусом и взглядом сверху вниз рвут в клочья остатки моей защиты и нагло крадут мою душу.

Тело безвольно, но я поднимаю руку и обхватываю ладошкой его член.

– Бл*дь… Бл*дь, Кристина… давай, покажи, как ты умеешь, детка…

Я сосу. Принимаю каждый толчок и обнимаю губами член на выходе. Все это, не разрывая с ним зрительного контакта. Между нами напряжение такой силы, что, кажется, воздух трещит. И аура его, вплетаясь волокнами в мое сознание, приводит к ошеломляющему осознанию, что мне нравится это делать.

Нравится лежать под ним распластанной. Смотреть вот так, снизу вверх и чувствовать, как скользит во рту его каменный член. Нравятся шелковая гладкость тонкой кожи и выпуклые пульсирующие вены, крупная головка, что с каждым погружением упирается в небо и вкус…

Боже… его вкус я не забуду никогда.

– Крис, твою мать! – выкрик Тёмы, и до меня с опозданием доходит, что он уже не первый раз зовет меня, – на меня смотри, сказал!..

Мы с Филом замираем, разрываем зрительный контакт и

смотрим на Артема. Меня будто холодной водой окатывает. Словно выдернули внезапно из сладкого сна, а до конца не разбудили.

Но длится это всего секунду. Эйне отходит и поворачивается ко мне шикарным задом. Слышу шелест упаковки, скрип латекса. Все это время Тёма смотрит мне в глаза.

– Нормально все, зайчон?

Не понимаю смысла его слов. Я не с ним сейчас, я с Филиппом. Поднимаюсь на локтях с намерением сесть, но Фил, развернувшись, отодвигает Тёму в сторону и одним слитным движением насаживает меня на себя до упора.

Глухо вскрикиваю. Падаю назад и хватаюсь руками за изголовье. Ощущения дикие, за гранью реальности. Мы снова спаиваемся в одно биополе, взглядами врезаемся, в одном ритме двигаемся.

Плотные потоки энергии, ежесекундные обмены эмоциями. Общее безумие.

– Крис… – шепот Артема у самого уха, – тебе нравится, детка?

– Да…

– Пздц… сладкая… хочу тебя…

Мимо.

Я утонула. В черном омуте. Вязну глубже и глубже.

– Пососи, Крис… – молит Тёма.

Я моргаю. Раз – два. Боковым зрением замечаю, как совсем близко от моего лица он быстро водит рукой по члену.

– Фил?.. – всхлипываю тихо.

Глава 13.

– Фил?..

Он дергает меня за бедра на себя так, что я съезжаю вниз по простыни.

– Кристин… – тень Артема надо мной, и я чувствую, как моих губ касается головка его члена, – возьми в рот, зайчон…

Из недр души, той самой, что сейчас во власти темных глаз Эйне, поднимается волна животного ужаса. Все мое существо корчится и вопит о помощи.

Держась взглядом за Филиппа, я увожу лицо в сторону.

– Бл*дь!.. – сдавленно сквозь зубы, – съебись, Тёмыч…

Рывок вперед, жесткий захват на моем затылке и мощный толчок члена внутри меня. От разряда сверкнувшей между нами молнии сотрясает все тело. Эйне не нежничает, но и вижу, что делиться не любит.

Еще ближе меня к себе. Так, что между нашими лицами не больше пятнадцати сантиметров остается. Зрительная сцепка, сорванное дыхание.

Так, где он в меня врезается горячо и мокро. Пульсирующий сгусток в низу живота быстро увеличивается и заполняет собой все пространство в области таза и бедер. Мышцы крутит наслаждением.

– Ты ох*енна, детка… – слышу в ухо и вдруг замечаю, что Тёма устроился сбоку от меня и теперь пытается обнять за

плечи.

Я не хочу. Только не сейчас. Его ласки воспринимаются как отвлекающий и сильно раздражающий фактор, но он влажно целует в шею и, положив мою ладонь на свой член, удерживает ее пальцами.

– Нравится, Крис?.. Хорошо тебе? Скажи…

Елозит моей рукой по члену в бешеном темпе, и через пару секунд на мою руку выплескивается горячая сперма.

– Бл*дь… бл*дь… – трясется весь, зубами в шею мою впивается.

– Урод… – рычит Фил, выходит, быстро переворачивает меня к себе спиной и ставит на колени.

Мы оказываемся с Артемом лицом к лицу. Он еще содрогается от оргазма, лоб покрыт испариной, грудь часто и высоко поднимается.

В глазах полнейшее безумие – восторг вперемешку с растерянностью и тревогой.

– Тебе нравится?..

Я молчу. Смотрю в его глаза, незаметно вытирая перепачканную его спермой руку о постель.

Тяжелая ладонь Филиппа на моей пояснице и резкий толчок до упора. Глаза Тёмы кружат по моему лицу.

– Детка?..

Проводит рукой по моей щеке и тянется с поцелуем, но в этот момент Эйне обхватывает меня рукой под грудью и ставит в вертикальное положение.

Темин взгляд перескакивает мне за спину, верхняя губа агрессивно поднимается.

Я не хочу этого видеть, не хочу вникать, я, может, вообще последние мгновения живу. Поэтому закрываю глаза и откидываю голову назад, на плечо Филиппа.

Упругое скольжение, максимальная наполненность, каменная грудь за моей спиной и сбитое дыхание в волосы.

Оргазм подступает. Это шокирует, но желание настолько сильно, что я ожидаю взрыва в любую секунду. Каждым толчком он опаляет бедра искрами, словно промежность лижут языки пламени. Под кожей течет лава.

Почувствовав губы и язык Тёмы на своей груди, резко распахиваю глаза.

– Не надо-о-о… – ною, упираясь рукой в его плечо.

– На*уй иди, – раздается рык Фила.

– Она так не кончит…

И тут же к губам добавляются его пальцы, что принимаются кружить вокруг клитора.

Но не хочу. Отвлекает.

– Тём, не надо… пожалуйста…

– Руки убери!

Убирает. Замирает. Затаив дыхание смотрит на меня, а я из-под взгляда его уйти хочу, потому что все… кроет меня.

Мощный толчок. Хриплый выдох. Ладонь Филиппа на моей груди…

И взрыв!..

Ошеломляющий по своей силе. Замыкающий все органы восприятия. Я разлетаюсь на атомы, даже в такой момент понимая, что это последнее мгновение моей жизни.

Теряю контроль над собственным телом, трясясь в судорогах так, что Фил с трудом удерживает меня.

– Кончает, мать твою… – сдавленный шепот Тёмы, – она кончает, Фил… Ох*еть!..

Эйне внезапно дергается, замирает ненадолго, и мы вместе валимся вперед. Я зажата под ним со всех сторон, его член во мне по инерции двигается, совершая финальную серию аритмичных толчков.

Потом мы затихаем. Тёмы не вижу и не слышу. Тишину разбавляют лишь наше с Филом шумное дыхание, да вой полицейской сирены за окном.

Все.

Теперь тебе с этим жить, Крис.

– Давай, Фил, все… на выход… – голос Артема как издалека.

Он начинает шевелиться. Выходит из меня, скатывается и сразу поднимается на ноги.

Мою кожу тут же обдает холодом. Я собираюсь тоже перевернуться, но место Фила моментально занимает Тёма. Вытягивается рядом и накрывает своей рукой.

Судя по звукам, Эйне уходит в ванную.

– Как ты? – шепчет, целуя в ухо.

Цепенею рядом с ним. Не могу заставить себя даже ше-

вельнуться. Смотрю поверх его головы в точку на стене.

Шок, и в то же время абсолютное осознание свершившейся катастрофы.

– Крис… – ласково тычется носом в мое лицо, – не молчи…

– Я спать хочу…

– Сейчас он уйдет, и будем спать, – мягкий поцелуй в лоб, потом в щеки и губы, – Крис… зайчон, все нормально, не забивай голову… я тебя никому не отдам, слышишь?..

Мой душевный иммунитет блокирует эмоции. Вообще никак его слова не откликаются. Я действительно хочу в душ, пить и спать.

– Просто опыт… эксперимент… – продолжает говорить тихо, – тебе понравилось, я видел.

До слуха доносятся звуки из нашей маленькой прихожей, и вскоре комнату заполняет его энергетика.

Артем садится на кровати и смотрит на Эйне. А я не могу. Никогда уже не смогу.

Сердце медленно насаживается на острый шип.

Они не говорят, но что-то явно что-то происходит. Я чувствую исходящее от Тёмы напряжение.

– Он уже уходит, – склонившись, шепчет в ухо, – я в душ… я быстро.

Что?.. Услышав это, резко переворачиваюсь на спину, запоздало понимая, что это действие вынуждает функционировать мой организм и обнажает меня в прямом и перенос-

ном смысле перед Филиппом.

Едва за Тёмой закрывается дверь, натягиваю одеяло до подбородка и безуспешно пытаюсь сделать вдох. Кислород выжигает в груди все живое.

– Не ожидал от тебя, – звучит справа тихий низкий голос.

Заставляю себя повернуть голову в ту сторону и упираюсь взглядом в плоский живот. Натянув джинсы, Филипп застегивает ширинку.

– Я от тебя тоже, – выдавливаю первое, что приходит в голову.

Что бы я сейчас не сказала, не изменит того, что больше я для него не существую.

Усмехнувшись, щелкает пряжкой ремня и поднимает свитер с пола.

– Рад был помочь разнообразить вашу интимную жизнь, – говорит, просовываю голову в ворот, – зовите, если надумаете повторить.

Я знала. Примерно этого и ожидала и даже не пытаюсь прикрыться от летящих в меня дротиков. Главное, дотерпеть до того момента, когда за ним закроется дверь.

– У нас все по записи, Фил. Ближайшие два месяца заняты.

– А сегодня мне, значит, свезло? – удивленно заламывает бровь.

– Да, появилось окошко…

Кивнув, он забирает с тумбы свой телефон и ключи от ма-

шины. Пересекает комнату, но перед выходом оглядывается.

– Зря ты со мной тогда не пошла.

Глава 14.

Дверь за ним закрывается. Слышу приглушенные низкие голоса, агрессивные Тёмины выкрики. Потом до слуха доносится звук глухого удара и звон падающих на пол предметов.

Я не хочу в этом участвовать и даже вникать не хочу, поэтому отгораживаюсь от действительности тем, что прячусь с головой под одеяло.

Мне холодно, грязно и страшно.

Я не представляю, как мы с этим справимся.

Скоро все звуки стихают. Вероятно, Эйне ушел, а Тёма принимает душ. Однако ни через десять, ни через двадцать минут его нет, а я сильно хочу помыться.

Сползаю с кровати и плетусь в ванную. Тёма на кухне. Стоит голый в темноте у окна и курит. Меня не замечает или только делает вид.

Я захожу в ванную и закрываюсь изнутри. Моюсь недолго.

Смысл?..

Такое не оттереть и не отскоблить.

Смываю пот и подмываюсь. Потом, обмотавшись полотенцем, неслышно выскальзываю из ванной и быстро шлепаю в комнату босыми ногами.

Артем все еще в кухне и лучше бы там и оставался. Пусть спустится в бар, путь напьется там, но только больше не трогает меня.

Надеваю чистую пижаму и срываю с кровати постельное белье, меняю на свежее и прячусь под одеялом.

Не спится и не плачется. Мозг атакуют мысли о завтрашнем дне.

Что делать? Как существовать дальше?

С Эйне все ясно, и в ту область своих мучений я пока даже не заглядываю. Это как по ампутированной ноге плакать. Да, невыносимо больно, но ее уже не вернешь, и с этим после реабилитации можно как-то жить.

С Тёмой как теперь?.. Он вся моя жизнь, как бы пафосно это ни звучало. Мой дом, моя работа, моя семья. Но я не хочу такой жизни, я в ней просто не выживу.

Тихий скрип двери. Еле слышные шаги, и через мгновение матрас за моей спиной прогибается.

Я не дышу и мысленно молюсь о том, чтобы он не трогал меня.

– Спишь?.. Кристина…

Желание вылететь из постели и из этой квартиры пулей, но я молчу и не двигаюсь. Ненавижу скандалы.

– Не спишь… – двигается ближе и, прижавшись к моей спине, обнимает одной рукой, – прости, Крис… зря я это затеял… Не буду врать – вставляет меня, да… Но надо было с тобой сначала обсудить.

– Думаешь, я бы согласилась?

– Он тебе нравится.

– И что?..

– Нравится? – переспрашивает требовательно и, взяв меня за плечо, переворачивает на спину, – давно его хотела, да?

– Придурок.

Он нависает черной тучей. Взъерошенный весь, хмурый и… побитый.

– За что он тебя так?

Кожа подбородка стесана. Нижняя губа треснула и опухла.

– Тебе это лишнее.

– Да… плевать.

Подтягиваю вверх зажатое между нами одеяло и пытаюсь отвернуться. Не дает. К моему лицу не лезет, но плечи, руки, шею – все покрывает короткими быстрыми поцелуями.

– Не надо… Тём…

– Мудак, да?.. – стонет болезненно, – признаю, Крис, я урод. Прости, этого больше не повторится.

– Не лезь ко мне, – хриплю, когда он наваливается всем телом и обездвиживает меня.

– Прости, зайчон… Ну, прости… не приблизится он к тебе больше.

– Да уйди, ты! – пихаюсь ногами, чувствуя, как истерика подкатывает, – не трогай меня! Мне противно!

– Крис… мне самому противно! Ну, прости!

Борется со мной, но когда неожиданно получает оплеуху, отшатывается сам.

Ошалело смотрит на меня, но я и сама в шоке. Гоняю воз-

дух через легкие в ускоренном режиме в надежде купировать приступ подкатившей истерики.

– Иди спать на диван, Тёма… пожалуйста!.. – шепчу срывающимся голосом, – не трогай меня сейчас!

Он какое-то время не отвечает, кружит глазами по моему лицу и молчит. Взгляд потерянный, загнанный. Из треснувшей губы наливается капелька крови.

– Не хочу я сейчас об этом говорить. Можешь ты это понять или нет?

– Могу, – кивает чересчур активно, – только не думай, что мне легко… и что я готов делить тебя вот так с каждым…

– Заткнись, прошу! – выкрикиваю, пряча лицо в руках, – я же сказала, что не сейчас!.. Уйди!

– Я люблю тебя, Крис…

– Уйди!

Чувствую, как отползает и поднимается с кровати. Даже дышать легче становится. Я тут же прячусь под одеялом.

– Завтра поговорим. Спи.

Не реагирую. Слышу, как забирает свою подушку, шкаф открывает, очевидно, для того, чтобы плед взять. И, наконец, уходит.

Стало ли мне легче после его слов? Да, стало. Он раскаивается, винит себя, переживает. Возможно даже, этот опыт его разочаровал, и он не захочет повторения.

Но это уже произошло. Это не отменишь и не спрячешь за занавеской. Я не хочу с ним быть хотя бы потому, что видела,

как он кончил, наблюдая за тем, как меня трахал другой. И наоборот – мой оргазм, самый яркий в моей жизни, на глазах у Тёмы, но не с ним, наши отношения точно не укрепит.

Я не ханжа, но это не нормально.

Заснуть у меня так и не получается. Измучавшись от тяжких дум и бессонницы, поднимаюсь ни свет, ни заря, тихо одеваюсь в джинсы и толстовку, беру куртку и рюкзак и бесшумно выхожу из квартиры.

Медленно шагаю по улице, выдыхая в холодный воздух плотные облака пара, до круглосуточного супермаркета. Покупаю упаковку мармелада, бутылку воды и иду к метро.

В десять утра останавливаюсь у кладбищенских ворот. Рассматриваю украшения на них в виде кованых православных крестов и маленьких ангелочков по краям и чувствую, как из самых недр души к горлу поднимается удушающая волна слез.

Всхлипнув, прижимаю ко рту замерзшие ладошки. Глазам становится горячо и мокро, и из горла рвутся хриплые рыдания.

Прохожу ворота и ускоряю шаг. Иду быстрее и быстрее, пока и вовсе не перехожу на бег. Лечу по главной аллее кладбища, добегаю до поворота, ведущего к маме и папе и, словно в невидимую стену врезавшись, останавливаюсь.

Господи!.. Куда?.. Куда я к ним с этим? Как в глаза буду смотреть?! Что говорить?..

Хватаюсь руками за каменную кладку невысокого забора

и дышу, дышу, дышу. Слезы бесконтрольно заливают лицо, а не могу заставить себя сделать хотя бы шаг.

Меня корежит от стыда и ужаса непоправимости произошедшего.

Зачем я это сделала?! Сама же! Сама согласилась!.. Добровольно пошла на это!

Что родители обо мне подумают?! Шлюха! Шлюха и есть!!! Жаловаться пришла?.. Не стыдно?

До мамы и папы я так и не дохожу – не хватает силы духа. Стою на том перекрестке, пока не заканчиваются слезы, а потом, развернувшись, плетусь к выходу.

Выхожу за ограду, еще полкилометра иду вдоль кладбища, перехожу дорогу и останавливаюсь на автобусной остановке.

Телефон на беззвучном, и в нем восемь пропущенных от Артема. Не перезваниваю, но пишу сообщение, что я в вузе на сдаче лабораторных. Он тут же снова набирает меня, но я отключаю телефон.

Не хочу ни говорить, ни видеть его. Никого не хочу. И возвращаться туда тоже.

Глава 15.

Открыв дверь в бар, быстро пробегаюсь взглядом по публике и, прижав рюкзак к груди и низко опустив голову, юркаю в пространство между рядом столов и стеной.

Уже неделю на подкорке страх встретить здесь Эйне. Но дни идут, а он здесь так ни разу и не появился.

Почти дохожу до барной стойки, до спасительного коридора остается всего два шага, но в последний момент не удерживаюсь и оглядываюсь на угловой стол.

Черт!

Там Тёма. Заметив меня, подрывается с места и бросается в мою сторону. Я ускоряюсь, но он догоняет ровно на пороге квартиры. Вместе вваливаемся внутрь, я падаю на банкетку, он нависает сверху.

– Где была?

Мои рецепторы раздражают исходящие от Тёмы алкогольные пары. Он снова пьян. Как и предыдущие семь дней.

– Гуляла.

– Где?

– Какая разница? – вздыхаю, роняя рюкзак слева от банкетки, – в парке, потом в сквере…

– Холодно на улице.

– Мне нормально.

Намного комфортнее, чем здесь.

У Тёмы самыми сложными были первые два дня, он не отходил от меня ни на шаг, просил прощения и дарил цветы. На третий день он напился вдрызг и орал на меня так, что мне пришлось ночевать на маленьком диванчике в кабинете бара. Потом снова случился откат – попытки помириться, извинения и даже слезы. Сейчас он в тупике – зол на нас обоих и сильно растерян.

Со мной ситуация кардинально противоположная. Оказалось, первые дни были цветочками, ягодок пришлось отведать позже, когда прошел первый шок, и я увидела картину моей новой реальности целиком. От ужаса волосы на голове зашевелились.

Вариантов немного. Первый – я закрываю глаза на случившиеся, прощаю Тёму и продолжаю жить с ним в надежде, на то, что этого больше не повторится.

Второй – я собираю свою вещи и документы и иду, куда глаза глядят, снимаю комнату, ищу новую работу и, если получится, заканчиваю вуз.

Третий – я требую себе то, что осталось от моего отца, и выгоняю Бурковских из родительской квартиры и забираю помещение, в котором находится сейчас бар.

Последний вариант самый правильный, но и самый фантастический одновременно. Нанять адвоката и попытаться отсудить мою часть наследства.

Отсудить… Боже – от одной только мысли о судебных тяжбах и конфронтации с Кристиной Дмитриевной и Арте-

мом мое тело покрывается ледяной коркой ужаса. Потому что, если с квартирой все более или менее понятно, то что делать с баром?!

Само помещение, вернее часть его, я отсужу. А как быть с тем, что внутри? Собственно, с самим баром? Деньги на его открытие Тёма потратил свои и даже часть занимал у матери.

Эти мысли и чувство беспомощности и безысходности грызут меня уже больше недели. Я почти не бываю дома. Чтобы проводить с Тёмой как можно меньше времени, ухожу утром якобы по делам, потом подолгу гуляю в любую погоду и возвращаюсь к началу моего рабочего дня, если моя смена, или к тому времени, когда Артем напивается до невменяемости.

– А мне нет! – повышает голос, опираясь рукой на стену над моей головой, – что с тобой происходит, Крис? Хватит мучать меня!

– Я не мучаю… я гуляла.

– Бля-а-а-адь… – выстанывает он, опускаясь передо мной на колени, – ну, что мне сделать, чтобы ты простила? Сказал же, что он больше к тебе не подойдет!

– При чем здесь это? – спрашиваю тихо.

Он так раскаивается, что, признаю, несколько раз я всерьез задумывалась отпустить эту ситуацию. Пыталась раскрасить свою драму в приятные пастельные тона и рассуждать позитивно. Мы оба молодые, еще не женаты. Тёма решил разнообразить нашу интимную жизнь и позвал парня.

Почему нет, учитывая, что парень меня волновал?.. Мне не было противно. Мне понравилось.

Это было всего один раз и больше никогда не повторится. Опыт… эксперимент, не более.

Что стоит отнестись к той ночи как к приключению? Перевести все в шутку и подначивать Артема тем, что ему пришлось кончать в мою руку.

Отличная идея, верно?

Только я ее не потяну. То ли силы воли не хватает, то ли смелости. Я теперь все время боюсь. Вздрагиваю каждый раз, когда ловлю на себе угрюмый взгляд Тёмы. Что он представляет, когда смотрит на меня, о чем думает? Кого я приму в нашей постели в следующий раз? А вдруг у него после секса втроем тоже внутри что-то поломалось? Вдруг, он теперь не сможет получать удовольствие от традиционного полового акта? Я же видела его глаза тогда. Они были безумны. Никогда этого не забуду.

– А что тогда, Крис?! – шепчет задушено, – что мне думать, детка?.. Что влюбилась в него? Я стал не нужен?

– Заткнись.

– Может, наоборот, переживаешь, что он больше не захочет тебя?

– Закрой рот! – цежу, подаваясь в сторону, чтобы встать с банкетки, но Артем обхватывает мои колени руками и прижимается к ним грудью.

– Он захочет! Хочешь, позову его?

– Ты идиот совсем?! – взрываюсь, замахиваясь на него рукой.

Он ловит ее в паре сантиметров от своего лица. Сжимает ладонь до хруста. Я морщусь от боли.

– Тебе все понравилось, зайчон, – проговаривает, жутко улыбаясь, тебя никто не принуждал. Никто не насиловал. Ты кайфовала.

– А мне оставили выбор?

– Ты не сопротивлялась ни секунды, – качает головой, глядя мне в глаза.

– Но это не значит, что я не жалею об этом…

– Такого больше не повторится.

– Не значит, что я хочу повторения… я не извращенка.

– Такого. Больше. Не повторится, – припечатывает каждым словом, – Эйне больше не прикоснется к тебе. Веришь?..

– Верю, – отзываюсь глухим голосом, – дай мне встать, пожалуйста.

– Сначала пообещай, что больше на меня не дуешься.

– Я не дуюсь.

И не дулась никогда. Дурак. Разве это так называется? Разве на предателей дуются?

– Значит, сегодня вместе спим? – лицо его вмиг преображается, и Тёма снова милая няшка.

– У меня месячные.

– Ну и что?.. Я же не про это. Я просто хочу спать рядом.

Бурковский поднимается на ноги, немного пошатывается, смеясь сам над собой, а я снимаю куртку, ботинки и под предлогом вымыть руки, закрываюсь в ванной и открываю сайт объявлений.

Я не гуляла, как сказала Тёме. Я ездила по двум адресам смотреть комнаты, которые сдаются в аренду. Подсчитав свои накопления, поняла, что в первое время, пока не найду работу, квартиру не потяну.

Те два варианта, что я посмотрела, мне не понравились. Да, недорого. Но в первом случае пришлось бы жить с глуховатой бабкой, которая тут же начала выпытывать подробности моей личной жизни, а во втором – с двумя девчонками, которые на момент моего прихода курили в квартире какую-то дрянь.

Нужно искать еще.

Если до этого момента я еще сомневалась по поводу Тёмы, то теперь нет. Он никогда не простит мне моей реакции на Филиппа. Он все правильно понял и будет давить на эту мою болевую точку, пока мы вместе.

Глава 16.

Филипп.

– Смотрел смету? – спрашивает Бурковский в трубку, – тебе ее еще вчера отправили.

– Смотрел, – включаю громкую и креплю телефон к держателю.

– И?.. Все в силе?

Нах*й бы его послать. Но… в силе. Ему нужны мои бабки, а мне опыт.

– Ты в баре? Я подъеду.

– В баре, но я занят. Завтра на нейтральной территории встретимся. Я позвоню.

Занят? Он?.. Чем, интересно? Новые фото писюшки Крис друзьям показывает?

Жму отбой и разворачиваю тачку к Старому лесу. Прав он, конечно, нечего мне там делать, но нихрена, перетопчется. Раньше об этом думать надо было.

Бар битком и, похоже, здесь тематическая вечеринка. Что-то в стиле Полицейской академии. Наряжены в основном девчонки. В полицейскую форму из сексшопа.

За угловым столом как всегда друзья Бурковского, самого его не вижу, поэтому, продираясь через толпу, беру курс на барную стойку.

Там тоже аншлаг – не подобраться. Но Крис я вижу. В фу-

ражке на глаза, синей рубашке с коротким рукавом и черном жилете. Волосы собраны в аккуратный пучок на затылке.

Останавливаюсь. Двумя глубокими вдохами разгоняю тесноту в груди. Глушу раздражение данным мне от рождения рационализмом – не тратить ресурсы на заведомо бесперспективные идеи. Кристина одна из них, даже учитывая то, что я сам приложил к этому руку.

Да, тоже виноват. Да, жаль. Но на этом все.

За стойкой их двое. Крис и молодой паренек, очевидно новый бармен, потому что раньше я его здесь не видел. Работают в четыре руки, но она явно главная. То и дело дает ему короткие указания и постоянно следит за его действиями.

В какой-то момент она словно чувствует меня. Замирает на секунду, хмурит брови и быстро проводит ладонью по шее. От этого мимолетного жеста на языке неожиданно растекается ее вкус. Сглатываю, и в этот миг она поворачивает голову и смотрит четко на меня.

Пугается будто. Бледнеет и резко отворачивается.

Иду вперед. Решительно расталкиваю атакующих бар копов и даже отжимаю у лоха стул. Не собирался с ней никак контактировать больше, но тут прям под кожей зудит задать пару вопросов.

Кристина начинает нервничать. Движения становятся дергаными, резкими. Спина и плечи неестественно ровные, глаза прячет.

– Водки? – деловито интересуется новый бармен с именем

Константин на бейджике.

Тоже в полицейской форме европейского образца и даже с наручниками на поясе.

– Сок. Яблочный.

Удивленно вскинув брови, кивает. Я жгу взглядом спину Крис, но она держится – делает вид, что не видит меня. Получаю стакан и терпеливо выжидаю еще минут двадцать.

Бред, но ситуация неожиданно заводит. Кровь в венах начинает шипеть, и под ребрами жжет азарт.

Наконец, очередь желающих вдариться алкашкой рассасывается, остаются два каких-то чувака, пьяная блондинка, кокетничающая с Костиком, и я.

Крис высыпает лед в ведерко и протирает салфеткой стойку. После чего вскидывает на меня горящий взгляд.

– Еще сока?

Едва не сносит волной ее агрессии. Обдает холодом и тут же в жар кидает.

– Любимый твой где?

Вспыхивает как спичка. В глазах молния сверкает, а губы поджимаются и заметно бледнеют.

– Понятия не имею.

– Ммм… – тяну, машинально подаваясь вперед и втягивая ноздрями ее еле уловимый запах, – как у вас там с расписанием? Окошко не появилось?

– Для тебя никогда не появится, – проговаривает тихо, скашивая взгляд в сторону Константина.

Иногда мне кажется, что за дерзостью она прячет свою слабость. Не боится шуток на грани и за словом в карман не лезет, но я видел ее уязвимой и беспомощной. Те качества, которыми манипулируют большинство женщин, она тщательно прячет за неприступным фасадом.

– У тебя дебют был, – понижаю голос, – я прав?

– А у тебя, видимо, нет.

– Значит, прав? В первый раз?

Держит лицо. Независимость и смелость играет. Заломив бровь, выдвигает подбородок вперед.

Красивая девочка. Очень. Все, что видел – все понравилось.

– Тебя не касается.

Вцепившейся в стойку Данил, местный официант, требует срочно два дайкири. Крис берет с полки бутылку рома, отмеряет норму и заливает его в шейкер, добавляет туда сок лайма, энергично трясет.

– Почему промолчала?

Она снова косится на Костика и Данила, но те внимания на нас не обращают. Я жадно впитываю ее эмоции – стыд, смущение, возбуждение. Понравилось ей тогда. Оргазм ее до сих пор ощущается на члене фантомными тугими спазмами.

– Это так важно? – интересуется с беспечным видом.

– О таком обычно предупреждают.

– Почему же не спросил сам?

Потому что Тёмочке твоему любимому поверил. Взгляды

твои призывные видел. Бл*дь… потому что самому пробки выбило.

На вопрос не отвечаю, а она вроде и не ждет ответа.

Ставит на стол два бокала, насыпает на дно по маленькой ложечке коричневого сахара и выливает содержимое шейкера в один из них.

– Значит, нормально все у вас? Я не стал причиной конфликта?

– Не-а… все отлично.

Бродившее все это время в крови глухое раздражение собирается в области солнечного сплетения и концентрированным ударом бьет в виски.

Сучка.

– Так может, повторим? – атакую жестко.

Принимает. Отводит взгляд, переключая внимание на второй дайкири. Снова прячется за невозмутимостью. Ловко открывает крышку и профессиональным движением выливает коктейль в бокал.

– Данил, забирай.

Тот забирает заказ и исчезает, а Кристина усмехается одним уголком губ.

– С тобой уже не интересно. Хочется разнообразия.

Колючки выпустила. Скалится, кусает. Как Тёмыч к ней подход нашел? За какие, мать твою, заслуги она с ним?

Хоть убей – не понимаю и даже, что ответить ей, не нахожусь.

Чувствую смачный удар по плечу сзади, и в следующее мгновение на соседний стул усаживается сам Бурковский. Лицо Кристины застывает нечитаемой маской, но я успеваю заметить мелькнувшую в ее глазах обиду.

Врет, значит, про идиллию.

– Здорово! – наиграно весело и гостеприимно, – а ты как здесь? На завтра же договорились?

Смотрю утырку в глаза. Он уже изрядно пьян, взгляд мутный, движения заторможенные. Крис изображает бурную деятельность.

– Если бы знал, что ты бухой, не приехал бы…

– Ну, давай тогда, – дергает головой в сторону выхода, – завтра протрезвею, поговорим.

Встаю со стула и, обхватив предплечье Артема, тащу за собой. Идет, тихо посмеиваясь. Кристина занимается очередным заказом и даже бровью не ведет.

Волоку его в коридор и швыряю в стену. Потирая ушибленное плечо, громко ржет.

– Если трепанешь кому-нибудь, – предупреждаю тихо, – я тебе язык выдеру.

– Оооо!.. За репутацию волнуешься?

– Я предупредил. И… еще раз услышу, что ты пилотку Кристины всем подряд показываешь, урою на*уй.

– Да? – взвивается мгновенно, – а тебе, бл*дь, какое дело?! Ты че приперся? Она видеть тебя не хочет, ясно! Противно ей!

– Ага… не меньше, чем от тебя.

– Не приближайся к ней, понял!

– Спи спокойно, – разворачиваюсь на выход, – мне такого добра не надо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.